

М.П. Котюрова

Искорки памяти

М.П. Котюрова

ИСКОРКИ ПАМЯТИ

*Живи с распахнутой душою,
Встречая зори босиком.
Не можешь стать рекой большою –
Будь малым чистым родником.
Живи всегда мечтой высокой,
За всё Творца благодари.
Не можешь стать звездой далекой –
Хотя б огарком, но – гори!*

Иеромонах Роман Матюшин

Котюрова, М.П.

К73 Искорки памяти. – Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. ис-
след. ун-та, 2021. – 75 с.

© ПГНИУ, 2021

СЛОВО

Заслуженного деятеля науки, доктора
филологических наук, профессора М.Н. Кожиной,
моего научного руководителя и Учителя.

«Дорогая, милая Мария Павловна!

Я представляю залитый солнцем луг с первыми полевыми цветами, а дальше лесок. Это – Ваша Родина. Тут весенним днем 60 лет назад Вы появились на свет. И она, эта земля, одарила Вас душевной теплотой, редким человеколюбием, способностями и талантами.

Отчетливо и всегда помню Вас совсем юной, тоненькой былинкой-студенткой с пытливыми глазами, жаждой знаний, целенаправленным упорством познания наук.

И вот Вы уже известный у нас в стране и за рубежом профессор, доктор наук, на работы которого ссылаются специалисты. И недаром; так как Вам удалось открыть принципиально новый подход к изучению смысловой структуры научного текста. Вы сумели завязать научные контакты со многими зарубежными учеными. Все это приятно. И – слава Вам не только в этот юбилейный день!

А как Вы печетесь о своих учениках и коллегах! Чужие завидуют им и нашей кафедре!

И всё это пошло от той родной Вам земли, от тех корней, которые всю жизнь питают Вас и которые Вы бережно храните. Так это мне представляется.

Пусть же и дальше светит Вам и греет Вас весеннее солнце! Пусть оно дает Вам побольше сил и здоровья для новых ярких и добрых свершений! Пусть весенние надежды сопровождают Вас всю жизнь и исполняются!

С любовью и признательностью М.Н. Кожина»

СОДЕРЖАНИЕ

Без задумки.....	5
Детство.....	8
Психологические этюды	13
Наш патриархальный быт	17
Мудрая бабушка.....	18
«Логика» и душа дедушки	24
Брат Ваня	29
Счастливые мгновения.....	30
Решение — в университет!	32
Моя филология.....	35
Постанововские «были»	42
Ну как не думать... ..	50
Благодарю... ..	53
Ковидные ночи.....	54
Соседки	59
Друг мой Людмила Кирилловна Чагина... ..	60
Размышления.....	63
Напутствие-благословение	72
<i>Отклики</i>	73
<i>Фотографии</i>	75

Без задумки

Мои встречи летом 2016 г. Никуда не езжу. Всё дома и дома. Общение – по телефону. И вот радость: приехали подруги по педучилищу Женя, Шура, Зина, Надя. Всем немало лет, а Шуре – 80, но она и сегодня поет в фольклорном хоре «Уралочка» в микрорайоне Кислотные дачи г. Перми. Соседка Людмила Кирилловна Чагина слушала-слушала наши разговоры с моими гостями и стала настойчиво просить записать эти нехитрые фрагменты. Не меньше двух лет прошло, прежде чем появились эти записки.

Первый вальс – в лаптях. – Шурочка, как жизнь? – Ой, ноги... Мамаша (свекровь. – М.К.) как в воду глядела: «Пляшешь, девка, много – заболят ноги». Я плясать любила, и даже больше, чем петь. А началось-то с детства... Школа небольшая, радости обычные, да их и мало. Пригласили деревенского музыканта на большой перемене поиграть на баяне. Я сижу в коридоре, глазенки горят... Учительница увидела, подбегает: «Пойдем, Шура, вальс танцевать». А я ноги прячу под скамейку: «Да я в лаптях...». Ну и что, говорит. И подхватила меня...

Вернуть бы годков-то десяток...

После четвертого класса я, говорит Шурочка, два года не училась в школе: мама болела тифом, лежала в районной больнице и в это время в деревне случился пожар, сгорело четырнадцать домов – мы с сестрой остались на улице. Не было ничего: ни одежды, ни обуви. Кто-то дал мне старые туфли на одну ногу. В сентябре маму привезли домой, но весь год она не могла работать. Как мы прожили зиму – я не знаю. Помню, что ходила на колхозные работы, потому что людей не хватало... Окончила семилетку, решила: «Надо учиться!». Пошли с подружкой в бригаду, которая расчищала дорогу для лесовозов. (Шурочка ростиком, как

Дюймовочка. – *М.К.*) Деревья были спилены, а пни надо было корчевать. Работа – о-ё-ёй: корни растут и в глубину, и в ширину, невозможно вытянуть... Ну, кое-как справлялись... Заработали и приоделись-приобулись... Я купила портфель, лаковые резиновые сапоги и три метра сатина на платье. Можно ехать учиться! В этом платье закончила первый курс педучилища, а потом уж покупала на стипендию... (Училась Шурочка на «отлично»).

Кисть винограду. Надя (Надежда Петровна – Зверева-Соловьева) в печали и тоске... Поехали к ней в Лысьву отвлечь, поговорить... И вот рассказывает: 1960 год. Папы уже не было. Я работала в школе в рабочем поселке. Мама в деревне с младшими. Ване пора получать недоступный деревенскому жителю паспорт. Мы с мужем решили: пусть приезжает к нам заканчивать школу, потом поступит в техникум. И вот мама собирает Ваню в дорогу, а денег совсем нет. Дает ему десяток яиц с напутствием: «Ты, Ваня, доедешь до Осы, зайди в столовую и отдай яйца какой-нибудь работнице, она даст тебе денег, вот и будет тебе на билет». Получил Ваня рубль с копейками, истратил на билет до Перми 80 коп., купил в «Гастрономе» кисть невиданного винограду (приедет с подарком годовалой племяннице Леночке!)... Не довез до уральской станции Скальная: хотел ведь только попробовать...

Сваты приехали! Окончено педучилище, впереди – новый этап жизни... Последние денечки дома, в Туганаях, у родителей ... Надя в соседней избе у подружки Гали. Младший брат Витя стучит в окно: «Надя у вас? Мама зовет домой: сваты, говорит, приехали...». Надя догадалась: это, конечно, Коля, знакомый парень из Чёкура, давно намекал... «Скажи маме, что я домой не приду и никуда не пойду». Совсем уж поздно. «Пойдем, Галя, посмотрим в

окно: гости не уехали – вернемся, никого нет – пойду домой». Забрались к окну по бревнам, сложенным у стены, заглянули в светящееся окно: никого... Пошла Надя домой... В полной тишине – на теплую печку...

И ведь ни разу в жизни, говорит Надя, и слова не было об этом случае... Вот какое понимание!

Несостоявшаяся любовь. В педучилище на первом курсе... Шел фильм «Тарзан». Одни смотрели вчера, другие – сегодня, третьи рассчитывали попасть в кинотеатр завтра... Женя сидела за партой перед Толей. Получаю, говорит, записку: «Пойдем сегодня в кино. После сеанса услышишь ласковое объяснение». Записка есть, а рубля на билет – нету, потому что я уже попросила у мамы рубль и в понедельник сходила в кино. Просить снова – невозможно... Рассчитывать на Толин рубль даже и в голову не приходило... Объяснение так и не состоялось...

Ягоды «Зинылишны». Зинаида Ильинична Ермакова-Онорина любила землю, выращивать цветы, ягоды, овощи. Окончила биологический факультет Пермского университета. Дети любили свою учительницу. А малышня!.. Ещё, говорит, ни у кого ягод нет, а я несусь с дачи ведро виктории, сажусь на диванчик у подъезда и объявляю: «Несите кружки!». Потом уж и не объявляла: все знали, что «Зиналишна» ягоды принесла.

«Мы пели – дочь Лариса плакала». В день рождения Зинаиды Ильиничны (в 2020 г.) я позвонила вечером, поздравила. Она рассказала: «Хорошо прошел день. Лариса приготовила угощение. Пришла соседка по даче, мы с ней спели 5 песен, я, правда, путалась в словах – Лариса плакала». Через неделю Зины не стало.

Такие картинки из жизни в бессонные ночи вспыхивают, как искорки...

Детство

Мамина тетрадочка. Не помню даже прикосновения маминых рук. В 1945 году мама сильно простудилась и заболела. Она оберегала нас с братом от туберкулеза. Мне уж 7 лет – скоро в первый класс. Из газетных обрезков мама сшила «тетрадь».

– В такой, только большой, тетради ты будешь учиться писать, а Александра Васильевна (моя первая учительница. – *М.К.*) – ставить отметки. Самая лучшая отметка – «пятерка», самая плохая – «двойка». Плохую отметку получать очень СТЫДНО... У нас в классе была девочка, которая боялась даже открывать тетрадь, чтобы не увидеть опять противную «двойку».

Я держала маленькую тетрадочку в дрожащей руке и горько плакала над «двойкой» маминой подружки.

Бабушкино наставление. Мы с братом остались без родителей в самом раннем возрасте: отец ушел на фронт Великой Отечественной, когда мне было два года, а Ване – две недели. Погиб под Ленинградом. Через пять лет не стало и мамы... Я не помню улыбки бабушки... Вот она ушла за водой на речку. Мы с Ваней за столом: я «воспитываю» его, первоклассника, карандашом по голове – он ревмя ревет от обиды. Бабушка возвращается, выливает воду в кадку, разворачивается с коромыслом и ведрами к нам лицом и укоризненно-выразительно наставляет нас: «Вы брат и сестра – и еще ссоритесь...». Опять уходит за водой. Шекспировская пауза... Ссор больше не было никогда. Всю жизнь.

Наша Курановка. Дедушка говорил: «Наша деревня Нижний Чёкур большая: целых 60 дворов. А наш околоток (за прудом и мельницей рассыпано 9 домов. – *М.К.*) прозывается Курановка. Потому что тут первым построил дом

Куранов. Умный был человек, какие угоды нашел: речка, луга для огородов, поле для пашни, лес для дров... А дом как поставил – солнце весь день в окна! Радость человеку! На этот дом другие уж равнялись...». А для нас, детей, полянка! Это рядом, где дом с акациями (из стручков делали пикульки и пищали, пока не надоест). Это был добротный дом: ворота стояли крепко-накрепко десятки лет; белые, некрашенные, половицы в доме были такой ширины, что невозможно было представить высоту деревьев, из которых они были сделаны. Но главное – в этом доме жили «девчонки»! Какая у них красивая фамилия – Черёмухины. Тоня и Нина – довоенные, старше меня на 5 и 4 года. Это мой начальный университет...

Нина: «Ляг на густую траву и долго-долго смотри на небо. Какое оно разное-разное! Смотри на облака... Ведерко с водой можно держать в вытянутой руке и кружиться – вода не выльется!.. Травинки растут, как люди!..» – Неужели?

Тоня: «Надо всегда говорить правду... Как узнавать правду? Только из книг. Значит, читать как можно больше... Люди не всегда поступают по правде». Таких чутких, глубоких (ведь это пятиклассница!), как Тоня, а главное, таких искренних я больше не встречала... Вот пример. Привезла ей свой только что изданный учебник «Стилистика научной речи». Через год приезжаю и слышу: «Почитала я твою книжечку и подумала: «Неужели это, кроме тебя, кому-нибудь интересно?»

Дорогая и милая Тонечка, как я рада твоей искренности!

История Сани Обориной. У мамы была подруга Саня Оборина. Миловидная, веселая, улыбчивая. Ждали с Алексеем третьего ребеночка... Саня работала продавцом в крошечном деревенском магазине... Поехали в соседнюю деревню в гости к двоюродной сестре. А из магазина в эту ночь украли три «отреза». Саню – в суд, а потом в Соликам-

ский район, в Боровск. Ясно: в тюрьму... Через два месяца родилась там Катя... А что дома? Алексей остался со своей больной матерью и двумя детьми – Любой и Мишей. Привел им «мать» – Нюру Палкину из соседней деревни Щипа. Кто-то из родных описал историю Обориных в письме Сталину... Неизвестно, кто и где прочитал это письмо, но... через восемь месяцев пешком пришла домой Саня с Катюшей на руках. Нюра вернулась в Щипу... [Рассказала мне об этом 21 ноября 2018 года Екатерина Алексеевна Треногина (Катюша Оборина), когда приезжала из-под Одессы на юбилей к сестре в село Григорьевское Пермского края].

Как сочувствовали Сане и радовались за нее (Сталин помог!) наши бабушка и дедушка!

Письмо Сталину. Ежедневную утреннюю молитву бабушка заканчивала так: «Помоги, Господи, поднять сирот...». После этих слов можно было вставать и разговаривать с братом и бабушкой... Я училась уже во втором классе и слышала, что кто-то написал Сталину и тетя Саня (подруга мамы) получила от него помощь... Однажды у бабушки так сильно болела голова, что она не могла вынести деревянное ведро (очень тяжелое, а для меня неподъемное!) и напоить корову. Что делать-то? Этот вопрос не давал покоя, потому что ответа на него не было. Я написала письмо Сталину, в котором просила отправить нас с Ваней в детдом, потому что «дедка целый день на мельнице, а у бабки болит голова. Им трудно нас воспитывать...». Почтальон, видимо, не обратил внимания на адрес, и письмо дошло до Осы. Дедушку вызвали в райком партии, где он ни разу в жизни не бывал. Сплел лапти и на другой день утречком в полной тишине отправился в Осу.

День прошел без дедушки, а к вечеру мы с Ваней ждали гостинцы. Бабушка «почему-то» весь день была дома, не полола грядки в огороде, а часто молча смотрела в

одно и то же окно. Наконец: «Идет...» – и села на лавку. Мы зашумели, обрадовались. Бабка нас не замечала... Пришел, стал разувать лапти и рассказывать: «Спрашивают, в чем нуждаетесь... Ни в чем, говорю, не нуждаемся, все есть, ребята растут. И отпустили...». Бабушка-то как была рада: «Слава Тебе, Господи!»

Ни разу в жизни вы не упрекнули меня за это письмо... Дорогие, милые мои бабка и дедка, простите!..

Красота – рядом! Сестры Тоня и Нина Черемухины закончили шестой класс, я – второй. Книги из корзины с чердака их дома и с полки в нашем амбаре прочитаны (немного их и было!). В августе читать было уже нечего. Пошли в село Верхнюю Чермоду (за 8 км) в библиотеку. Бойко так шли. А на обратном пути поле, перелески, ложки, казалось, никогда не закончатся. Ноги устали, жарко, но виду не подаю, помахиваю холщовой сумкой с тремя книжечками. Да скоро ли наша-то деревня?! Началось поле с рожью такой высоты, что нас, наверное, могли увидеть только птицы... Значит, скоро наша деревня... И вдруг звонкий голос Нины:

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем, низко провисая,
Лениво стонут провода...

Нет у нас никаких проводов, да зачем они тут? И без них – красота! Рядом! Кругом!

Поэтическая строка, прозвучавшая в поле в исполнении подружки, так высветила красоту малой родины! На всю жизнь! Не спорьте о патриотизме... Это же как музыкальный слух...

Ах, как жаль!.. Сразу после войны тетю Таню отправили в Монголию, на маслозавод, – то ли обучать сырному делу, то ли учиться ему. Через год возвращается – с подар-

ками (!) всей-всей родне. Мне, семилетней племяннице, тетя Таня вручила крошечный сверточек, а в нем – кусочек ситца невыразимо прекрасного переливчатого цвета (причем теперь сказала бы «пастельного»). Из этого кусочка тетя Маня сошьет мне *новое платье...*

В июльскую жару я – без спросу! – искупалась со старшими девочками в нашей холодной речке и простудилась. От повышенной температуры бабушка спасала меня, обернув лоб платком, смоченным опять-таки холодной водой. В моменты облегчения появлялись мысли, но совсем невеселые. Одну из них помню очень четко: «Наверно, я умру... Жалко Ваню, бабуку, дедку. Бабка скажет: «Ванька один остался». Но больше-то всего мне жаль, что так и не поносила новое платье: тете Мане некогда его сшить. Все работа да работа».

Много мыслей и чувств (иногда явно не по возрасту) вмещает детская душа...

Поездка на малую родину. На Троицу (20 июня) в прежние времена из окрестных деревень приходили и приезжали «гулять» в Нижний Чёкур. Нина Александровна Батина уговорила меня съездить (в 2019 году) в Щипу, в двух километрах от бывшей деревни Чёкур. В Щипе у Нины родня: брат Иван Черёмухин, его жена Тамара, а через дом живет их дочь Нина с мужем Анваром. Что ж, поехали: поплачу, думаю, на могилах мамы, бабушки, дедки, посмотрим, говорит Нина Александровна, на родные-то места... Удастся ли еще побывать там да полюбоваться «прекрасными уральскими угожьями» (выражение дедки), где лес – для дров, поля – для пшеницы, речка – для чистоты и красоты. Ну всё для человека! Недаром же, как говорил дедка, «деревня наша большая, в ней 60 хозяйств». Но не устояла наша малая родина в перестроечные годы – нет ее ни на земле, ни на современной карте...

Расскажу о Щипе. Поражает красота: кажется, цветет каждая травинка. Впервые увидела роскошное (белое, но и не белое!) убранство куста калины... Удивляет открытость деревни: нет заборов, изгородей, нет тропинок для пешеходов. А зачем, говорит Иван: скота нет, только собаки бегают, если не привязаны, машины ходят редко, дорога свободна. В деревне 12 домов, а коров только две: одна – в хозяйстве Ивана Александровича, а другая – у их дочери Нины. Кстати, 80-летний Иван содержит немалую пасеку (при наличии внуков уход за ней передать некому: молодежь, говорит, не любит работать). А вот зять Анвар ухаживает за своей любимцей – лошадкой-красавицей (запомнила кличку). Но... в деревне нет ДЕТЕЙ. Ясно главное: вот и прекрасная уральская Щипа – деревня «вымирающая».

С Ниной Александровной навестили землячку «по полянке» Антонину Николаевну Соколову (в девичестве Черёмухину). С Тоней мы вместе поступали на филологический факультет университета. Недоучилась она по семейным обстоятельствам. Когда дочь и сын подросли, Соколовы переехали в Осу. Чтобы работать в отделе сельского хозяйства районной газеты «Осинское Прикамье», Тоня поступила на заочное отделение агрономического факультета Пермского сельхозинститута. Училась с восторгом: только, говорит, «по тракторам», перед которыми трепетали студенты-мужчины, была «тройка».

Психологические этюды

Застенчивость. То ли по природе, то ли из-за кори, со второго класса испортившей зрение, я была крайне застенчива. Именно поэтому иногда вела себя совершенно глупо. Вот, например, прекрасно знаю, что знакомых людей принято приветствовать, причём достаточно произнести

нейтральное «здравствуйте». Значит, сначала надо определить, кто знакомый человек, кто – нет. Это непросто, как оказалось.

...До седьмого класса (пока не стала постоянно носить очки) я жила в своём туманном мире, не сомневаясь в том, что и меня окружающие воспринимают неразличимой (в тумане) точкой.

...Вступительный экзамен в педучилище – диктант. На другой день иду по тротуару и вижу: впереди на лавочке у входной двери сидят три женщины, в середине – именно та учительница! Мне-то она знакома, а я-то – ? Решила: она меня не знает. Отступать было некуда – молча прошла мимо.

Значительно позднее наш классный руководитель Римма Михайловна Кузнецова (речь идет о ней) прокомментировала ту ситуацию для меня совершенно неожиданно: «У нас тут гордые люди – не считают нужным здороваться...»

Это я – гордая?

Сейчас бы я сказала: «Неадекватная интерпретация...» Психология подростка – сложнейшее дело, а Римма Михайловна в те годы была так молода, красива, самодостаточна (пединститут закончила с отличием)... Долгие годы мы переписывались с этим прекрасным человеком.

* * *

В общежитии педучилища было три комнаты, в которых помещалось по 16 человек. 1 сентября 1953 года. Девочки одеваются, заплетают косы, уже готовы идти на уроки. Я не могу – публично! – встать с постели, как будто крепко-накрепко сплю. Никому до меня нет дела. Заходит в комнату «подружка по полянке» Нина. Им дали комнату на двоих с сестрой, они учатся на четвёртом курсе. Нина сразу оценила ситуацию и шепчет мне: «Встань сейчас же, быстро-быстро оденься... иди в училище *вместе со всеми*.

Иначе будешь отверженная». Я не знала слова «отверженная», но поняла, что это что-то ужасное.

Нина спасла мою репутацию.

Диктанты и психология мышления. В педучилище у меня было поручение – по четвергам, с 8 часов утра, проводить диктант и объяснять «тёмные места» и допущенные погрешности. Приходили все, кроме случайно проспавших. Грамотность нашего класса улучшилась. И всё-таки оставались 2–3 человека, которые перед *каждым* контрольным диктантом очень волновались и спрашивали об орфограммах, многократно объяснённых, повторённых, закреплённых и т. д. Задавали, например, такой «избитый» вопрос: «Как пишется *в течение, в продолжение, вследствие?*». Почему? Ответ, кажется, на поверхности: всё дело в плохой памяти. Мои многолетние наблюдения уточняют этот вывод, вынуждая учитывать особенности мышления.

Действительно, всем известно: у одних правила «от зубов отскакивают», а пишут они неграмотно; другие же как бы от природы грамотны, не затрудняют себя заучиванием правил, потому что внимательны к *конкретным* языковым явлениям.

Ясно, что выход в индивидуальном подходе к ребёнку или взрослому человеку – подходе, учитывающем специфику абстрактного и конкретного мышления.

Отчего я пою молча... Это был замечательный день. С утра мне было беспричинно радостно, и я замурлыкала. Бабушка с кухни прокомментировала: «Рано, пташечка, запела, как бы кошечка не съела». Значит, нехорошо петь по утрам. Замолчала.

Днём мы с подружками пошли на ближайшую поляну за земляникой. Старшие запели какую-то песню. Я её знала, но спохватилась с опозданием, причём начала «с начала».

Нина деликатно подсказала: «Петь надо вместе со всеми». А если я не успею вместе со всеми!

Кружечку-набирушечку земляники я принесла домой, бабушке, почти полную. «Матушка ты моя, стерпела ведь, домой принесла».

А на вопрос, почему я не пою (вместе со всеми, даже в хоре педучилища), всегда отвечала: «Я пою ... молча ... про себя». (Такие случаи, конечно, редки, но... в жизни бывает разное...).

Стойкий комплекс возникает в детской душе, кажется, беспричинно, однако на всю жизнь.

Кража. А что дальше? Ясно, что радость – хорошее, т.е. положительное, чувство. А вот причина может быть любой – и хорошей, и плохой... Мы с тетей живем в подвальном помещении, в коммунальной квартире. В «коммуне» три человека: мы с тетей и чужая бабушка. Посередине комнаты стоит большой-большой бабушкин сундук, разделяющий коммунальных соседей. Бабушка осталась одна на белом свете, вероятно, поэтому была молчаливой. Я очень сучала по бабке, дедке и брату Ване и тоже была молчаливой.

А однажды... сундук открылся и я увидела в нем чудо – лоскуток *кружева*! Лоскуток был совсем небольшой, наверное, сантиметров пяти, кружево было старое-престарое, пожелтевшее, одним словом, бесполезное. Но узор был очень красивый, изящный. Ну как не мечтать: взять из сундука, положить в учебник, носить в сумке, смотреть на него – незаметно для других – даже на уроке... Мой любимый кружевной лоскуток!.. Какое счастье, что он у меня ЕСТЬ! Два дня любовалась! И вдруг: а если тетя проверит сумку... и увидит его... Я же УКРАЛА это кружево! А что говорила мне бабка: «Никогда не бери чужого. Лежит на дороге – перешагни, но не бери. *Через себя перешагнешь – большая радость!*» Стала ждать удобного случая, когда откроется

сундук, чтобы незаметно положить прекрасный лоскуток и вспоминать о нем с глубоким чувством удовлетворения от победы над собой.

Спасибо тебе, милая моя бабка!

Наш патриархальный быт

Ни юность, ни младость не жалко,
Но к детству душою приник...

(Иеромонах Роман Матюшин)

Когда сени улыбаются. Каждый год перед Пасхой 3–4 солдатки объединяются и ходят дружно, весело *мыть избы*, т. е. помогать друг другу и тем, для кого эта нелегкая работа стала непосильной. Мочальными вехтями, с черным хозяйственным мылом, горячей водой, согретой в русской печи, женщины моют потолки, известью белят стены, после чего чисто-начисто промывают полы. Чинно садятся за стол ужинать. Бабушка угощает горячим супом (удивляются – с благодарностью: надо же, до вечера печь не остыла – суп-то до чего горяч!), в свою очередь, благодарит их, подхваливает: «Ну, бабы, сколь хорошо всё вымыли... В сенях *стены улыбаются!*...». Платок на голову – и в сени: как они улыбаются? Спрашиваю бабушку и слышу вполне понятное объяснение: «Да вся изба радуется: к Пасхе приготовилась!».

Семейная ссора. В деревне был красивый пруд. И мельница. Наш дедушка, мельник, говорит, что смолоть кошелюшку ячменя, выращенного на клочке своего огорода, – это хлопотная работа, лучше, говорит, пять мешков ржи пропустить. Солдатки (их мужья погибли на войне) свою благодарность за эту услугу подтверждают именно седьмого ноября стопкой самогона. Пока идет дедушка с мельницы, вместе с добрым словом получает 2–3 стопки.

А вечером – в гости! Бабушка держит себя скромно, с достоинством, а дедушка – в легком возбуждении – привлекает к себе много внимания: смеется над своими шутками, громко рассказывает, слишком (по мнению бабушки) свободно жестикулируя, как «Варшаву брал»... Утром дед садится завтракать, бабушка берет власть в свои руки. Ограждая нас с братом от перегара, наказывает деда: «Не садитесь с ним за стол!.. Пусть один ест... Пьяница такой [звучит как *пьениса*]!». – «Да какой я пьяница! Да разве такие пьяницы-то бывают!..» Бабушка ходит туда-сюда: уносит в загон ведро с пойлом для коровы, появляется: «И не стыдно! Только его и слышно!». Уносит пойло для овец, возвращается: «Ну никакого стыда!». Дедушка, уязвленный всерьез, делает решительное, сильное обобщение: «Живешь за мной, как за каменной стеной, и еще недовольна». Не возразишь... Бабушка уходит кормить кур...

Мудрая бабушка

Всякому свое... 1945 год. Неделю стоят морозы. Холодно в избах... У Надежки дров совсем мало, а избенка крохотная... Вечером приходит к нам с младшим сыном обогреться... Печка (позднее уж я узнала, что это и есть печка-буржуйка) раскалилась докрасна. Ребятишки «нагреваются» (чтоб на всю ночь хватило тепла) около печки, взрослые сидят на лавке, беседуют. *Надежка*: Мишка-то хоть и плохо говорит, а как придумывает... *Мама*: А Ванька-то до десяти считает – и все правильно... *Бабушка*: Ну, бабы, уж больно хвалите. Правду говорят: *всякому свое немытое бело*...

Горская девушка. Мне лет пять. Играю на крылечке. Слышно: разговаривают, смеются. В открытые ворота видно, что с литовками (косами) идут женщины. Одна из

них, двоюродная сестра моего отца, проходя мимо, каждый раз, увидев меня, громко спрашивала: «Где тут горская девушка живет? Ой, да большая уж выросла...» Я – к бабушке: Почему я горская? – Да на Горке родилась. – На какой? – Да на ростанской... Через много лет дядя Коля (брат отца) показал мне ту Горку – починок в двухстах метрах от исчезнувшей, а теперь восстанавливающейся деревни Ростани: уже трое потомков вернулись и стали фермерами. Из рассказа дяди Коли можно было представить дом моего деда Афанасия Ивановича Сесюнина. В этом доме-усадьбе в достатке – своим трудом – жила его многочисленная семья, в которой было три сына и шесть дочерей. Революция растерзала крепкое хозяйство, в пружину сжала сердце мудрого молчаливого деда, оставив лишь скупые воспоминания...

Рожь на печке. 1947 год. Трое мальчишек – «лесенка» – подходят к воротам. Это нищие из соседней деревни за милостыней. Бабушка идет встретить, потом кормит нехитрым ужином. Дети вежливо – постепенно, не все сразу – забираются на русскую печь, где тонким слоем рассыпана влажная рожь (чтобы начала прорастать). Теплень! Засыпают... Утром долго нежатся в тепле, потом копошатся, не могут сдержать смеха. Что это они? Бабушка знает ответ: «Нагружают карманы зерном».

Приходит с мельницы дедушка, проверяет росточки: «А где рожь-то? Совсем мало...». – Мы с братом слышим – на всю жизнь! – бабушкин ответ «Да ты все бы только учитывал...».

Сильное «воспитательное» слово. После завтрака дед уходит на мельницу, бабушка садится за пряжу, я – за книжку. В полной тишине, в молчанье, бабушка продолжает «разбор полёта» на тему «Вчера в гостях». А вчера было вот что. Я сначала развеселилась от внимания взрослых, а

потом захныкала: «Дедко, пойдем уж домой!» – Дедка, в свою очередь, заканителится: А что мне дома-то? Ворота «на веревке», значит, никого дома нет. Богатства у меня нет. Кого мне охранять? – Да меня! – Вот тут-то, кажется, за только что сказанное, вдруг я и получила от бабушки самое сильное, веское «воспитательное» слово: «А ты-то... Как дедке ответила?! НЕХОРОШО ЭТО (йето)». Комментариев в подобных случаях никогда не было: думай сама...

Бабушкин прогноз. По воскресеньям бабушка не работает, иногда навещает сватью. (Бабушка Надежда беременной в одночасье «потеряла глаза», когда раскулачивали; сына – нашего будущего дядю Васю – родила, будучи слепой). Я остаюсь, как теперь говорят, «на хозяйстве»... Полдня уж прошло... С нетерпением жду бабушку, чтобы рассказать новости.

– Бабка, я видела такое чудо! Куры ведь никогда не летают, а за мной не только бегали, а даже летали... – Так ведь есть захотели. Ты бы им ковшик зерна рассыпала... Ты уж не деревенская... – Почему? Я ведь живу в деревне. – А потому что *деревенскую работу не видишь*...

Прогноз бабушки оказался верным, хотя и опирался только на «частный случай».

Мой сон и бабкина интерпретация. Второй уж класс закончила. Рассказываю бабке сон: «Я иду по дороге в Щипу. Там лесок такой и цветы – всё ромашки и васильки. Шагах в десяти от дороги идет тетенька. Лицо мне не видно: она смотрит на цветы. Она в маминой юбке, но я сразу поняла, что это не мама, а Богородица...»

Бабка по привычке вздохнула и сказала: «Хороший сон... Вот Богородица и будет помогать тебе в жизни... через добрых людей».

Сила воли плюс характер. Учусь в Осинском педучилище, живу с тетей. Учебников не хватает, их, можно сказать, совсем мало. Подруга Катя Бардина (она староста) говорит: «Завтра тебя могут спросить по географии. Приходи в общежитие, я дам тебе учебник». Прихожу, а Кати нет, захожу в другую комнату. Одна девочка стала резвиться: «Повтори за мной (скверное) слово – сразу дам учебник». – Не хочу... – Ну и не дам тебе книжку. – И теперь рада, что выстояла: основательно так села, положила руки на стол и сказала: «Не хочу, не могу и не буду». В полном молчанье девочка дала учебник географии, открыла дверь с крючка...

Я и не думала тогда, что одержала победу НАД СОБОЙ благодаря силе, данной мне Богородицей.

*** Подобная ситуация сложилась и на первом курсе университета. Прихожу из Горьковской библиотеки в 10 часов вечера, за столом сидит компания: славная такая студентка Таня (с Украины приехала) и двое физиков-пятикурсников. «Маша, выпей рюмочку и закуси, голодная ведь». Как-то машинально, не раздумывая, мгновенно съела бутерброд с колбасой. На другой день абсолютно та же картина, но я уже включила сознание: «При строгом расчете у меня на завтрак не более 17 копеек, а за бутерброды ведь нужно вносить вклад». Отказалась... Таня на втором курсе была отчислена.

«Про себя знай!..» Поступила в педучилище, получила место в общежитии. В комнате 16 человек. В каникулы рассказываю бабушке ужасную историю о том, что у одной девочки потерялось три рубля. Как узнать, кто взял? Нашлась «гадалка»: «Я узнаю точно». Встали вокруг стола... Я денег не брала, но трепетала: вдруг гадалка скажет, что это я виновата... (Через год-два все в классе узнали, что деньги взяла именно гадалка). Бабушка не рассуждала, не охала, но сразу дала афористичный, бесспорно, мудрый совет: «Ничего плохого не делай. Молву не слушай. Про себя знай».

Неформальный подход. Сданы экзамены за третий курс педучилища. Домой! Бабушка издали увидела в окно и вышла за ворота – встретить: «Матушка ты моя, какую даль прошла... Ну отдохнешь теперь...» – «Бабка, ты почему не спрашиваешь, как я сдала экзамены?» – «А вот почему: я ничего не понимаю в твоих делах. Как тебе надо – так ты и учись».

Какая мудрость в этом ответе! Во-первых, взрослая уже – думай сама, во-вторых, не рассуждать и не советовать, если не понимаешь сути дела! Через 60 лет читаю (контекста не помню): «Много знаешь, да *мало понимаешь!*»

«Ничего не бойся: везде ведь люди!». Педучилище окончено! Направление на работу получено... «Бабка, вы с дедкой воспитали меня, я ведь с вами должна жить... Я могу в нашей начальной школе работать». – «За нас не держись. Мы свое прожили. Поезжай, куда тебе лучше... Ничего не бойся: везде ведь люди!...»

Медицинская помощь. В нашей деревне всех пожилых женщин называли уважительно – по отчеству. Нашу бабушку звали Филипповна. Думаю, что вполне справедливо: она могла оказать помощь в разных бытовых обстоятельствах. Помню, например, как бабушка предотвращала волдыри при незначительных ожогах, заговаривала больной зуб (когда луна окажется на определенном месте), а однажды язычком удалила соринку из глаза соседки, когда слезы красавицы лились уже рекой...

Даже в соседней деревне Ростани вспоминали о Филипповне, когда надо было «брюхо править». Годы послевоенные... Знакомая женщина передала, что доярка Люба заболела, таблетки не помогают, аппетита нет, ничего не ест, худеет на глазах. Хотела бы прийти к Филипповне... Бабушка ответила так: «Пусть приходит. Мыло с собой принесет» (послевоенный дефицит). На другой день едва-едва

пришла «согбенная» (в 25 лет!) Люба. Положить больного человека некуда: поверхностей в избе нет (лавка узковата, диванчик коротковат и неудобен), самое комфортное место – русская печь. Процедура была такая. Сначала осмотр живота и вступительная беседа: – Матушка ты моя, надсада у тебя... – Да ведь на ферме... тяжело больно... (Бабушка смачивает живот тепленькой водой, слегка намыливает мылом – начинается массаж). Льется неторопливая беседа о жизни. Мы с братом ждем, когда бабка поставит самовар (у нас же гостя!)... А через три дня веселенькая Люба собирается домой: «Спасибо тебе, тётушка Филипповна. Я ведь уж и не чаяла, что оживу. А вот тебе подарочек – на запон [маленький фартучек]». Бабушка провожает до ворот: «Доброго здоровья тебе, Люба!»

Невышитая рубашка. Тётя Матрёна рассказывала, что брату Павлу вышила очень красивую кайму на рубашке. Ушёл на войну – ни разу не надел. Я решила: «Обязательно научусь вышивать и вышию папе рубашку ещё лучше. Придёт он с войны – и будет у него две вышитые рубашки». Но не стало слухов о возвращении солдат с войны и рассеялась моя надежда встретить папу и подарить ему красивую вышитую моими руками рубашку.

Мысль о рукоделии не давала рукам покоя. К четвёртому курсу педучилища у меня накопилось уже несколько изделий: скатерть, вышитая крестиком (без канвы, по расчерченным клеточкам), полотенца, дорожка на комод – гладью, шёлковые воротнички – техникой «ришелье» и др. Все эти изделия на выставке «Умелые руки учителя» были признаны лучшими. Однокурсник Аркаша, сосед по парте, поздравил меня с изумлением: «Я думал, что ты только книжки читаешь».

Считаю, что любая мечта даёт положительный результат.

«Логика» и душа дедушки

Мужской поступок. Дедушка на деревянной дощечке пишет углем «Куриль строго воспрещается!»: на мельнице недолго до пожара. – Дедко, а ты никогда не курил? – Да как не курил. В плену на первой мировой самосад смолил... Жена столько его перепосылала, что только на обшивку посылок перевела 36 аршин белого льняного полотна. Пришел из плена, а ее тиф унес. Сошлись мы с вашей бабкой, а у нее от табака голова болела. В одночасье бросил курево – и все...

Не представляю дедушку курящим...

Какая умная сорока! Дом наш печальный: мамы не стало в 1947 году, с тех пор я не представляю бабушкиной улыбки. Поэтому после завтрака я мчалась к подружкам Тоне и Нине и вертелась около них. В обеденный час дедка шел домой и – от ключика – кричал: «Марюшка, обедать!» Я выбегала и с достоинством заслужившего обед человека шла рядом с дедом. – Дедко, а как ты узнаёшь, что я здесь? – Да сорока на хвосте восточку принесла... – До чего же умная сорока! Даже про меня все знает...

Интересное наблюдение. Дедушка рассказывает: По вечерам молодежь собиралась в избе попросторнее да где ребятишек поменьше. Наталья все в уголке стояла и тихонько посмеивалась: «Смотрите, смотрите, у Федьки нос-то крючком...». За Федора потом замуж-то и вышла. – А почему насмеялась-то? – спрашиваю. – Да интерес показывала.

Ну как не объявиться моему интересу к психологии человека...

Суп с яйцом. Учусь в шестом классе. В перемену девочка рассказала, что мама варила суп с яйцом. Я представила, какой он вкусный, и решила непременно сварить

такой же. Алгоритм действий выстраивался долго – до каникул, когда приеду к бабушке и дедушке. И вот... – Бабка, ты дашь мне одно яйцо? Я умею сварить суп. – А картошку-то надо? – Надо, надо. – Бабушка чистит и режет картошку сама, чтобы я не порезала пальчики. Дедушка занят делами. – Дедко, мне надо таганок. Я сварю суп. – А где поставишь его, треножник-то? Костер надо у воды, чтобы пожара не сделать. – А я на берегу... Дедка приносит в огород, на берег речки, два кирпича, разводит костерок, ставит эмалированное блюдо с водой на кирпичики и уходит во двор, улыбаясь в усы. Кладу картофель и мчусь за яйцом. Кипит-булькает вода... Разбиваю яйцо – и туда же! Бабушка кричит в окно: «Для вкуса пощипли луковых перышек!» Грядка с луком недалеко – долго ли бегом-то! Вспомнила: а соли-то? На всех парусах за солью! Суп варится, щепки в костерке догорают... Всё готово! Бабка сама несет блюдо с супом: «Еще обольешь себя горячим-то...». Жалко, Ваня ушел с удочкой на речку... Втроем сели торжественно за стол: внучка угощает! Приятного аппетита! Попробовали... Пересолено (вода выкипела), яйцо превратилось в железные прутья... Бабушка: «Да ведь первый раз варила...»; дедушка: «Яйцо-то надо варить малёхонько...».

Урок окончен.

Эстетика литовки. Дед гордился умением точить литовки (косы). У нас, говорит, во всей деревне всего два мастера точить литовки: Федор Петрович (старший двоюродный брат деда) да я. После Троицы (17 июня) готовятся к сенокосу. Сначала солдатики шьют новые ситцевые кофты, потом – с утра – вспоминают: «Дядя Вася, поточи литовку, завтра ведь на покос». Отказа не было никогда. А радости! Дедка дома, работает под крышей, разговаривает со своими литовками, они отвечают мелодичным звоном. Иногда подарит комплимент: «Хороша у тебя, Ивановна, литовка:

точишь, а она так и выпекает!». – «Коля покупал перед отправкой на войну. Ни разу и не покосил...».

В большой праздник. Раннее лето. Петров день – в честь апостола Петра. Бабушка накормила семейку шаньгами и куликами. У дедушки дел сегодня нет: большой праздник. «Пойду-ка в лес, проверю ключи». Пошел: за поясом – топорик, на плече – желобки для воды в ключиках. Возвращается к ужину. – Что там весь день делал? – Да мало ли в лесу работы. Дошел до Пальников – да и обратно: на трех ключах желобки установил, выкопал ямки для воды, у Большого ключа мостик подправил, вырезал бересту, сделал поильники... Ребятишки пойдут за земляникой, так воды попьют как следует, а не будут лакать из ладошки, как собачата.

Помню, как-то раз пошли с бабушкой за грибами. На лесной полянке дорогу перегородила елка: упала в грозу. Дед снял из-за пояса топорик, стал очищать ель от сучьев, уносить их к обочине полянки, оттащил ствол в сторону. Мы с Ваней уж наигрались: «Дедко, пойдем. Здесь же никто не ходит, никому эта елка не мешает». – «А вот зимой поедут за дровами, попробуй-ка убрать эту елку из снега»... Хозяин...

Ива. Огород заканчивается речкой Чёкур – узенькой, но глубокой, потому что ниже по течению – пруд. На берегу – баня. Дедушка, говорят, до поздней осени после жаркой бани нырял в речку. Весной вода бурлила, балуясь, с силой ударяла на повороте в крутой берег, мало-помалу меняя русло реки. Подберется ведь, говорит дедушка, вода-то к бане. И нашел чудесный выход. За баней проходила граница с огородом соседки Анны. На эту границу он воткнул колышек – да не простой, а ивовый. Ива любит воду, и в таких-то благодатных условиях стала расти-расти да кудрявиться. Красавица – ну не насмотреться! А дедка: «Свое место нашла: и берег укрепила, и в окно приятно поглядеть»... Сентиментальная душа...

Сердце без логики. Дедушка воспринимал мир в целостности и оценивал события по шкале «хорошо или плохо». Этот параметр, конечно, конкретизировался в разных ситуациях. Вот, например, после поездки в зимние каникулы в Осу я показываю бабушке и дедушке подарки, за хорошую учебу полученные в Доме пионеров (Почетную грамоту, портрет Сталина во весь рост, карандаш). И рассказываю, что ночевали на колхозной квартире. К вечеру в Осу приехали на лошади две женщины за пенсией. Спать на полу расположились так: тетя Оля, ее дочь Нина (моя подружка) и я. Тетя Оля стала шептать Нине ласковые слова... Я заплакала... Тетя Оля подумала, что я заболела... А я долго успокоиться не могла... Дедушка дал свою оценку: «Да что она понимает, эта Ольга... Ходит неряхой, руки до локтей в саже...».

Дедко-дедко, нет никакой логики в твоей оценке, а сердце-то!..

Чистота – для дедки... Живу в Осе с тетей, учусь в школе, наблюдаю над культурой поведения в городе. Жизненный опыт накапливается... Шестой класс уже позади. Каникулы. Наконец в деревне!

Июньский день, солнечно, жарко... Бегом в огород, на речку, за прохладной водой... Вымыла полы в избе, в сенях, крылечко – свежо, чисто, душа радуется. Дедка пришел обедать, потоптался в лаптях во дворе на полянке... – Ну, как на каникулах-то? – На каникулах хорошо! Дедко, я все полы вымыла. Видишь, какая у нас чистота. Разувайся. – Да у меня лапти-то чистехоньки: я по траве шел.

(Кстати, лапти – не туфли: сначала ногу надо обернуть онучей (портянкой), надеть лапоть, потом закрутить две оборки (веревочки) и аккуратно завязать их. Дедка с утра обувался в легкие лапти и ходил в них до вечера).

Обед закончился, дедка ушел на мельницу – работать. Продолжая мысленный диалог, бабка говорит: – Нехорошо

ты сказала дедке «Разувайся!». Он ведь дедка: обо всех нас заботится.

Какое деликатное и меткое замечание!

Хорошо поел – хорошо и поработал. Обед. Похлебка, в которой три ингредиента: вода из речки, картошка и луковица. «Для густоты» дедка кладет в эмалированную миску творог, крошит крошки. – Дедко, неужели ты это всё съешь? – Да разве это много?! Вот Федор Петрович – едок! На покосе, бывало, разложит еду: 8 – 10 картошин, краюху хлеба, два яйца, литровую бутылку молока. Да попить – туесок ядреного квасу. Ну уж и работал... Какие кабаны да зароды сена метал! Никому другому было не под силу.

Гостинцы внучке. Представляю, как бабка наливает тёплое топлёное масло в бутылку и думает: «Надолго хватит картошку да рожки поджарить». Проводила дедку порадовать внучку гостинцами. Он купил белых сухарей – попить чаю перед учебой.

С маслом я решила поджарить рожки. Сковородки нет, значит, в кастрюле. Надо налить масла, а его всё не видно, значит, мало. Подливаю. Полбутылки вылила. И всё равно рожки какие-то белые, совершенно неподжаристые. Принесла в комнату, стала всех угощать. Больше одной ложечки съесть не мог никто. Хватило и на соседнюю комнату. Долго вспоминали рожки с маслом.

Хорошо, что бабушка не знала, как я «распорядилась» с драгоценным маслом.

А вот белые сухарики и теперь люблю обмакнуть в чашку чая да присыпать сахарным песочком... Такая сладкая гармония!

Дорогие мои бабка и дедко, всю жизнь люблю вас!

Брат Ваня

Вспоминаю брата Ваню. Знаю, говорит, трех настоящих женщин: сестру (естественно: сестра), свою крестную – тетю Маню и жену своего друга. Крестная рассказывала: «Пожились с Васей, вскоре он поехал на курсы трактористов в село Шермейку за 20 километров. Осталась в положении. Наступил апрель, половодье... Васю, думаю, не пустят: трактор надо осваивать. Пойду к нему сама. Отец лапти новые сплел – налегке быстро добегу. Да где там... Утренний наст как-то быстро подтаял, вода кругом, а речонки – откуда и взялись! Подол повыше – и напрямик! Ничего, думаю, вечером напьюсь чаю с малиной, а утром – обратно домой... Вдруг умру при родах – и Васю больше не увижу... Вот и бежала...»

Друг с женой ехал на машине. Не справился с рулем, допустил аварию и ужасно пострадал сам. Отказали ноги. А она, невысоконькая такая, стройненькая, обхватила его и понесла на обочину... В голове не укладывается, а ведь было...

Радость брата. В доме бабушки и дедушки душе было спокойно, как-то уютно, а радость была редкой. Помоему, только при встрече, когда я приезжала на каникулы после учебы в школе, а потом – в педучилище... И вот я дома, сидим с бабушкой, разговариваем, а брат (младше меня на полтора года) во дворе колет дрова, да так ловко, что поленья только щелкают... Бабушка подходит к окну: «Ой, Ванька, Ванька... Большой уж вырос... Для тебя ведь так старается... Радехонек, что сестра приехала домой».

До сих пор жалею... Первый отпуск... Купила подарки, брату Ване (ему уж 17 лет) – голубую шелковую рубашку. Счастье! Он носил ее, как говорится, не снимая. Пришла пора стирать. Бабушка уже не могла... И постирал

он ту рубашку в деревянном корыте вместе с красной майкой... «Сестра, говорит, подарила, а я..., – рассказывала тетя Маня, его крестная, – и заплакал...».

До сих пор жалею, что не купила брату другую рубашечку...

Пятьдесят рублей. С детства я была «книжной девочкой». Ваня не соответствовал «образу», и я никогда не была им довольна. Не видела и долго не понимала его душевной тонкости, чуткости, во всяком случае, по отношению ко мне.

Я поступила в университет, Ваня закончил ПТУ и приступил к работе на мебельной фабрике. Жить стал у дяди Васи, двоюродного брата нашей мамы, и тети Лиды. У них был свой небольшой домик в Балатово и дочери Люба и Ирина. О тесноте не было и речи...

В сентябре я получила первую стипендию, а Ваня – первую зарплату. В тот же день Ваня с другом приехали ко мне и весело передали 50 рублей (к 200 руб. стипендии). Каждый месяц моего первого курса были эти «свидания», а в июле Ваню взяли в Армию. Уехал в Германию.

Счастливые мгновения

Бабушкина похвала. Учусь в первом классе. Мама тяжело больна... Учительница Александра Васильевна сказала перед Новым годом всем: «На елку приходите с родителями». Значит, нужно с родителями... Едва-едва уговорила бабушку пойти в школу на елку... Дед Мороз (конечно, Александра Васильевна!) такой замечательный, никого нас не знает, спрашивает: «Кто у вас лучше всех учится?.. Неужели? Такая маленькая... Правда, хорошо учишься?». Вспомнив о нерешенном примере, шепчу: «Не шибко же...». На обратном пути услышала дорогую

сердцу похвалу: «Всё было хорошо... А больше всего мне понравилось, как ты ответила... *Не хвали себя – жди, когда люди похвалят...*».

Экскурсия. 1947 год... Супруги учителя в нашей маленькой начальной школе решили повезти лучших учеников на экскурсию в районный город Осу. Александр Федорович Шестаков пришел к бабушке «отпрашивать» меня. Бабушкин ответ: «Пусть кто-нибудь другой... Больно она мала... А как кошелюшку понесет?.. И лаптей-то нету...». Александр Федорович тверд: «Другой... Ребята скажут: “Несправедливо: она хорошо учится”; уступчив: «Кошелюшку я в своей котомке понесу...»; ласков: «А лапти долго ли дяде Васе сплести...». Лед растаял... На другой день дедушка начал плести лапти... – Дедко, кому ты плетешь такие маленькие лапотки? – Да кошке... Шла вон по росе, лапки замочила... – Она умеет онучи наматывать? – Не умеет, так я научу. – Хорошо кошке... Она может в Осу пойти...

Экскурсия состоялась.

Ли-ли-я!!! Для чтения летом наши учителя раздавали книги из шкафа. Всех учеников было 35. Я первоклассница, пришла после всех: школа далековато. Осталась одна-единственная книга – самая толстая – «Молодая гвардия» А. Фадеева. Александра Васильевна успокоила: «Прочитай, сколько сможешь. Ну хоть две страницы...» Не очень-то и интересно: ну купались девчонки... Плескались... Любовались какими-то лилиями... Ли-ли-я!!! Какое слово-то красивое! И что это за ли-ли-я?! Надо спросить у Нины. Она все знает: закончила пятый класс.

Началось филологическое удивление...

Новое правило для вежливых человечков. Пошли на экскурсию в Осу. Нас было человек десять. Двадцать километров мы прошли пешком. Последние пятнадцать проехали на попутной грузовой машине. И вот идем по городской улице. С редкими прохожими вразнобой, но все, здороваемся. Те приветливо отвечают, и все почему-то улыбаются. Почему? Мы ведем себя исключительно вежливо... Узнаем новое правило: в городе так много людей... С незнакомыми не принято здороваться...

Рыбки и морковь. Я закончила в Осе седьмой класс и приехала на попутной трехтонке за 35 километров в деревню к бабушке и дедушке. После восклицаний типа «Ма-тушка ты моя!.. Домой приехала!..», естественно, полагается «за стол». Нехитрый обед закончен, остался «десерт»: «Сбегай в огород, выдерни морковку». С морковкой – к речке, а там – тишина, только пчелки жужжат, стрекозы летают... Удобный мостик... Наклонилась: вода чистая, прозрачная, как зеркало, стайки рыбок испугались морковки... Развеселилась, смеюсь и смеюсь...

Спрашиваю бабушку, отчего я без всякой причины вдруг смеялась. И услышала замечательный ответ: «Радовалась...».

Решение – в университет!

Мне уже 19 лет. Работаю учительницей в детском туберкулёзном санатории. Говорят, в пединституте открывается факультет учителей начальных классов. Значит, все учителя будут с высшим образованием. А я ... живу безответственно, бесцельно. И останусь у разбитого корыта... Учиться совершенно *необходимо*.

Оказалось важным, что зародилась *мысль* о цели в жизни. Эта мысль явилась лучом света, вспыхивающим в определённые, очень нужные моменты. Вот, например, соседка Тоня, в прошлом году десятиклассница, в этом году уже студентка университета. Живут с мамой-пенсионеркой бедно-бедно. И мне нечего бояться. Ясно главное: продолжать о учиться *возможно*.

...Вот уже второй в жизни отпуск наступил. К бабке и дедке! А там – встреча с подружкой Ниной, которая тоже закончила учебный год в своей сельской школе.

– Нина, как жизнь? Работа?

– Я не работаю.

– Как?.. (Это Нина, у которой ещё три сестры, отец погиб на войне, одно платье «и в пир, и в мир, и в добрые люди»).

– Я поступила учиться в университет.

– Как?!.. (Это совершенно немыслимо!)

Результат встречи: весь год будешь готовиться к экзаменам и поступишь именно в университет. Стипендии должно хватить. Если не сумеешь распределить, всегда можно пойти в отдел кадров и попросить работу – ночью мыть полы в аудиториях.

Я принимаю невероятное решение – вслед за укрепившейся уже *мыслью* – поступить учиться на дневное отделение Пермского государственного университета.

Интерес – это чудо! Память вызывает типичнейшую ситуацию – урок в начальной школе детского туберкулезного санатория, где дети лечатся шесть месяцев и учатся, чтобы не отстать от сверстников. Работа учителя очень разнообразна. На медпедсовете санатория завуч очень серьезно сообщила о моем учительском якобы успехе: проверив – вслед за учителями – четыре стопки детских рабочих тетрадей, только в моей стопке третьеклассников она не нашла

пропущенных ошибок. Но все-таки самое главное – урок, целью которого является обучение детей. Ежедневный вопрос себе – как научить?

Расскажу о случае, до сих пор поражающем мое воображение. Я размышляла, как на другой день объяснить какую-то тему по русскому языку (за давностью лет уже не помню) и решила обратиться к завучу за помощью. Клавдия Львовна взглянула на страницу учебника и так азартно, помолодому говорит: «А позвольте-ка мне провести этот урок. Тем более что это входит в мои обязанности. Я скажу об этом детям».

Немолодая, довольно грузная, обычно с тяжеловатой походкой (стенокардия), Клавдия Львовна преобразилась: казалось, всегда суровая – начальственная – интонация сменялась интонацией удивления, даже восторга, истинного интереса к записанным мелом на доске словам и составленным с ними предложениям. Разумеется, что сразу возник диалог с учениками, причем диалог естественный, легкий, можно сказать, радостный. Эта атмосфера интеллектуального, познавательного труда гипнотизировала буквально всех: руки взлетали ввысь от нетерпения ответить на заданный вопрос, обычные озорники присмирели и не отвлекали внимания, я горела желанием тоже активно участвовать в этом поистине творческом процессе.

Речь идет не об игровой методике в педагогической работе, а скорее о роли познавательного интереса. Действительно: интерес, интересно, заинтересовать, вызвать интерес, подключить интерес и др. Ясно, что интерес может иметь глубоко скрытый, совершенно неочевидный характер (типично присущий интровертам), а может проявляться ярко, эмоционально, динамично, как на уроке, проведенном с третьеклассниками Клавдией Львовной Якоб. Какая сердечная и в то же время глубоко интеллектуальная переписка была с моим замечательным завучем в течение ее последних нескольких лет!

Позитивная зависть. Втайне от всех подруг готовлюсь к поступлению в университет. Мысль ориентирована четко в этом направлении. Вот, например, идет политинформация. О современных проблемах в стране и за рубежом рассказывает новая воспитательница, историк по образованию (приехали с мужем, инженером-нефтяником, но в школе вакансий не оказалось). Молодая, всего на три года постарше меня. А как говорит! Не помню, о чем, но «как»! Тем более что во всем коллективе санатория *так* говорили только двое – главврач и завуч. Они не вызывали удивления: пожилые, опытные, пора уж говорить «не по бумажке». Вот это «не по бумажке» совершенно очаровало меня. Как я хочу говорить с людьми спокойно, свободно, не стесняясь, не волнуясь, причем обязательно так, чтобы всем было интересно! Вот для чего я должна поступить в университет!

Много воды утекло с тех пор, много тайн о жизни «слова» открылось за эти годы, пришло умение рассуждать «без бумажки». Главным оказалось осознание того, до каких глубин владения речью надо дойти человеку (особенно в публичной профессии!), чтобы не только *много знать*, но и *понимать* – не меньше!..

Моя филология

Естественно, только искорки...

Письмо Феде – первое в жизни сочинение... Учусь в первом классе. Дмитриевна, неграмотная ровесница нашей бабушки, получила письмо от младшего сына Феде, который служил в армии. «Отписать» некому. Попросила меня, первоклассницу, написать ответное письмо. Моя полуграмотная бабушка (знала буквы, могла прочитать по слогам печатный текст, но так никогда и не читала) говорит: «Расскажи, как живет Дмитриевна». Да тут и вопросов нет.

Пишу: «Федюшка, я живу хорошо. Накопали 15 ведер картошек. На зиму хватит. Сосед Матвей распилил дрова. Мы с Лёнькой баско их сложили в поленицу («не в моей компетенции» было, что это слово пишется с двумя НН – *поленица*). Печь топлу, а она скоро остывает. Лёнька любит прокислую похлёбку. (Сама слышала: даже, говорит, никакой сметаны не надо!). За нас не переживай. Жду тебя, сынок». Прочитала. Хвалили-хвалили, а я думала: «Во втором-то классе я лучше напишу!»

Великую силу имеет своевременная и разумная – именно за дело! – похвала...

Сочинение о Волге. В седьмом классе нам было дано задание написать домашнее сочинение о Волге. Мелькнула одна-единственная строчка: «О Волга, колыбель моя...», а мысли о Волге не возникло никакой. Вера Аристарховна не «растекалась мыслию по древу», а просто прочитала одно из лучших прошлогодних сочинений на эту же тему. Оно произвело на меня неизгладимое впечатление: я совершенно ничего не знаю о Волге, надо срочно в детскую библиотеку, там Зоя Ивановна всегда готова помочь... После проверки всех работ как одно из лучших было прочитано мое сочинение... Муравьиный шаг филолога...

Рецепт против «двоек». Первый месяц в педучилище закончился. Пока шло повторение, получала четверки и пятёрки. За последнюю неделю – пять «двоек»! Что с ними делать – не знаю: на уроках дремлю, ничего не слышу, в общезнании читать не могу (помните, 16 кроватей, длинный стол, за который никто и не садится даже...), постоянно хочу есть... Подруга Катя (она староста) сообщает: «Маша, тебя вызывает Семен Григорьевич». Это завуч, который всех учащихся (так нас называли) знал и называл по именам. (Осталась профессиональная привычка: на войне, говорили, он

служил замполитом!). После первого вступительного экзамена, когда я написала диктант на «пятерку», Семен Григорьевич звал меня Марусенькой. И вот... до чего дошло! Марусенька в кабинетике, где (как тогда казалось) огромный письменный стол стоит как-то наискосок, а стул – для приглашенных – и у двери, и (он же) у стола. Ну очень удобно разговаривать!

– М., у тебя ведь много «двоек». Уроки-то учишь? – Не-е-т... – и горько заплакала. Семен Григорьевич Канторович не укорял, не расспрашивал, не уточнял, не брал с меня честного слова «исправить двойки»... Он рассказал, что в училище есть кабинет химии, где по вечерам (эвакуированная из Ленинграда. – *М.К.*) Кира Петровна дает учебники и где «так хорошо учить уроки».

Дорогой Семен Григорьевич! Вы даже представить не могли, каким важным оказался в моей жизни этот «вызов к завучу»... Именно с тех пор я и полюбила атмосферу библиотеки – Осинской, Пушкинской, Горьковской, Ленинской, Салтыковки, Краковской...

Стенография. Перед поступлением в университет представления о новой жизни вызывали разные мысли. Вот, например, обученная на уроках чистописания в педучилище, я писала красиво, но довольно медленно, поэтому начала беспокоиться о том, буду ли успевать записывать лекции преподавателей. Отсюда возникло решение овладеть стенографией, которой очень увлеклась, но быстро поняла, что выполнение упражнений отнимает много времени, которое необходимо для чтения текстов по литературе. Стенографией больше не пыталась овладеть.

Синдром красоты. Не претендуя на оригинальность восприятия, опишу ситуацию. В актовом зале университета 1960 года первый курс. Холодно, неуютно, неудобно

конспектировать... Зал полупустой, студенты выглядят съжившимися, сиротливыми...

Энергичный стук каблучков – и перед нами элегантная Франциска Леонтьевна Скитова. В платье цвета бордо с бело-белоснежным воротником и такими же манжетами, с букетиком анютиных глазок. Кажется, все выдохнули (молча!): «Красота какая!» И уже с восторгом воспринимаешь поздравление с поступлением в университет, благодарность за то, что выбрали именно филологический факультет... И были счастливы, что Валя Петрова, которая никогда даже не говорила громко, оказывается, чище всех произносит [тётя]. – Вы только послушайте! Валечка, повторите!..

Во всем этом главной была красота...

Реферат на тему «Звук и буква». Мой любимый предмет на первом курсе университета – Введение в языкознание. Франциска Леонтьевна Скитова дала задание, сразившее меня простотой и полной неизвестностью: написать реферат о том, что знают ученые о звуке и букве. После занятий – в библиотеку за ежедневными открытиями... Реферат готов – завтра сдавать. За ночь две не очень усердные студентки списали с моего реферата фрагменты, получив за них по желанной «тройке». Значит, весь реферат реально оценен не просто на «пятерку» (Ф.Л. хвалила), а на «шестерку».

Словосочетание. Я преподаю студентам университета русский язык. Тема «Словосочетание». Согласование в роде, числе и падеже. Например, Пришла *золотая осень*. А перед глазами: Бабушка стоит у окна – и полушёпотом: «Сколько хорошо!» Подбегаю, встаю рядом: «Что? Где?». Смотрит куда-то наискосок, за огороды, вдаль – туда, где *золотая осень*. А студентам говорю просто и понятно, но, по-моему, совершенно невыразительно: «Красота!». Как жаль, что не могу передать моим студентам именно чувство бабушки – Парасковьи Филипповны Шестаковой.

Непростой выбор. С трудом смирившись перед волей руководителя (доцента М.Н. Кожиной), я написала дипломное сочинение на предложенную тему из совершенно новой – и, казалось, «совершенно неинтересной!» – области стилистики. С 1965 г. (именно с дипломной работы!) моя «за-стольная» работа, в отличие от изучения в курсовых (ну очень интересной!) художественной речи, посвящена стилистике именно научной речи, особенно же одной строке концепции М.Н. Кожиной – об экстралингвистических основаниях смысловой структуры текста, прежде всего научного академического, представленного статьями и монографиями.

О категоричности. Мы с подругой Ниной О. любили «разговаривать», что означало высказывать свое искреннее мнение по абстрактным – философским, эстетическим, литературоведческим – вопросам. Мнения обычно расходились, но Нина нередко уступала, что подогревало мою категоричность. В то время я не понимала своего *опасного заблуждения*; казалось: главное – найти аргументы, доказать свою правоту.

Не помню очередного яблока раздора, помню, что надеялись на кружок литературы, где Римма Васильевна Комина «внесет полную ясность»... В заключении заседания был подведен итог, но я ждала *точного* ответа, кто из нас прав. И получила (куда еще точнее!): «Вы обе правы... Можно считать и так, и так. Это же дискуссия!»

Много воды утекло, прежде чем я оценила мудрость этих слов. В продолжение скажу, как думаю сейчас: *любая точка зрения – лишь одна из возможных*, но ее нужно доказывать, аргументировать, чтобы она могла *иметь место* в пространстве мысли.

Наш друг. Куратором группы была Ксения Александровна Федорова. Она умела быть старшим другом: приходила в общежитие, сердечно говорила с нами, деликатно

предлагала денег «до стипендии». На третьем курсе накануне экзамена пришла в общежитие барачного типа (№ 2), в перенаселенную комнату, чтобы дать консультацию по старославянскому языку. Учебников у нас не было, только конспекты: весь курс под диктовку. Поздно вечером кто-то поддался соблазну: «Ксения Александровна, мы Вас так любим, неужели Вы нас не пожалеете завтра?!» Ответ был, по моему, замечательный: «Девочки, все вы милые, славные, я вас всех люблю. Но на экзамене берет верх *«профессиональная честность»*».

Ксения Александровна умела дружить...

Интеллигентность. Известно: «Не сотвори себе кумира...», а если он рожден быть прежде всего кумиром?! Умный, красивый, импозантный, эстет, интеллигент ...

Расскажу случай, в котором я увидела его глубинную интеллигентность. Как известно, она проявляется в сочувствии, в со-переживании, наконец, в со-действии другому. Мы работали параллельно на первом курсе. Меня «схватил» радикулит. Звоню на кафедру, прошу Соломона Юрьевича, волнуясь, никак не могу добраться до главного: «Соломон Юрьевич, я заболела. Кроме Вас, мне не к кому обратиться. Не могли бы Вы...» – «Машенька, выздоравливайте. Когда и где ваша пара?»

Любовь-то не для голодных. Три студенческих года впроголодь не могли пройти бесследно. А на третьем курсе настигла любовь. Я интроверт, ушла в себя, думала «только о нем», дошла до нервного истощения – астении... Экзамен по исторической грамматике. Я в ступоре. Милейшая Ксения Александровна Федорова пытается оправдать оценку перед готовыми к ответу студентами («Она же это знает!») и ставит «хорошо». Я в отчаянии. Решила политэкономии не сдавать, потому что просто физически не могла читать.

Женя купил билет, отправил меня к своим родителям, а сам остался дописывать и (успешно) защищать дипломную работу по диалектологии под руководством Ф.Л. Скитовой. Я же видеть не могла книжный шкаф в доме родителей Жени. Наверное, месяц прошел, как я заметила, что беру в руки районную газету, которую приносила почтальонка. После отдыха в заботливой семье политэкономия была легко и преспокойно сдана.

Три картошинки в ведерке. С карьерным ростом Жени мы перебрались в районный город Нытву. Получили комнату с печкой – перекантоваться, пока идет ремонт квартиры. Женя уходит на работу, моя ежедневная забота-работа-радость – печка, простецкий суп, улыбки и гулянье Сережки. Третьекласснице Тане из соседней квартиры только перебежать через сени и сразу у стенки: пришла посмотреть на пятимесячного мальчика. Каждое утро: топится печка, на плите в кастрюльке варится-булькает суп, в кровати барахтается ребенок...

Перед школой девочка зашла на минутку, остановилась у стенки и сразу заметила, что кастрюльки на плите нет: «А где суп?» – «Да картошка закончилась – вот и не будет сегодня супа». Таня, как обычно, деликатно выскользнула из комнаты. Через несколько минут обращаю внимание на то, что у стенки вместо Тани стоит детское ведерочко с тремя картошинками...

Как только увижу девочку с косичками, перед внутренним взором возникает картинка: белая ромашка на голубом ведерочке с тремя картошинками на доньшке. Непременно шепчу: «Танюшка, желаю тебе счастья...»

Доброта не забывается...

Постаноговские «были»

«Килька в томатном соусе». Женя Котюров на практике был в Постановоградской школе. Пригласили работать после окончания университета. Диплом получен – молодожены поехали! Помню, свекровь дала нам кастрюльку, чугунную сковородку, две ложки... Нож купили, какой мне понравился: закругленный, значит, безопасный!.. Столовой в Постановогах нет – надо варить суп. Ура, есть консервы «Килька в томатном соусе»! Суп уже варится, но как открыть баночку с килькой?! Слышу: шумит грузовик. Банку и ножик в руки – и к дороге. Шофер встретил моего мужа в колхозной конторе и говорит: «Пора уж обедать. Вас ждет суп с килькой». – «Саша, а ты-то откуда знаешь?» – «Ваша жена не могла открыть банку, так на дорогу выбежала за помощью!...»

Вскоре купили консервный ножик...

«Пирожки в печке!» Первая неделя в Постановогах прошла. Женя с утра до вечера занят, я пока дома, скоро 1-е сентября. Приехали в гости мои университетские подруги. Рита предложила испечь пирожки с капустой. Никакой кухонной утвари нет, русская печь – без сухих дров – «секрет фирмы». Пирожки в печке, но никак не подрумяниваются... А к электричке уже пора... Я представила, как без конца проверяю всё белые и белые пирожки, смотрю на две колючие ёлки под окном, жду – одна-одна – весь день Женю...

– Я с вами!

Успели... Едем на грузовике до станции Григорьевская... Навстречу – Женя на велосипеде. Остановка.

– Женечка, пирожки в печке! Я приеду завтра!

Тоски как не бывало...

Через годы... В мае 2017 года, в один из солнечных дней, наш сын Сережа (с женой Светой) решил впервые побывать в деревне, на своей малой родине, где мы с мужем работали в школе по распределению. На крылечке магазина оказалась любознательная женщина лет шестидесяти: кто приехал да к кому. Это Надя Шавшукова, которая в 1965 году училась в седьмом классе, где я преподавала русский язык и литературу... Давно уж Надежда Сергеевна...

В сентябре, когда я гостила у нее, душевные беседы неизбежно включали воспоминания Нади о родителях...

Вот такая любовь... Папа рассказывал: «Полюбил я Клаву совсем молодым, но боялся к ней подступиться: она из богатой семьи, я – из бедной. Ушел в армию, Клава вышла замуж, потом осталась вдовой. После армии мы поженились. Любовь была такая, что дети сыпались, как из мешка». В семье было 10 детей. Я была старшая, потом Лёня, остальные – мал-мала меньше. Мама работала дояркой, в те годы уже была нездорова, мы с Лёней заменяли ее на ферме. Папа был бригадиром, играл на баяне, хорошо пел, его все любили... Мои волосы после бани только он расчесывал, только у него хватало терпения... В каждой деревне, и в нашей тоже, у него были «подруги». Помню, как однажды зимой, уже поздно вечером, мы все ждали папу. Мама говорит: «Надька, Лёнька, сходите посмотрите...». Мы хорошо знали папину походку. Следы, четкие на пушистом снегу, безошибочно привели к чужому крыльцу. Возвращаемся домой: «Он там». – «Слава Богу, живой. Пусть там спит...».

Благодарный журак. Над деревней Постановоги пролегал журавлиный маршрут. Надежда Сергеевна говорит: «Я тоскую, если не встречу весной и не провожу осенью журавлиный клин». А ее сестра – учительница Ольга Сергеевна – рассказала такую историю.

Золотая осень. Ясно, светло, небо голубое. Курлычут журавли. Вдруг выстрел – один комочек падает. Борька (сын семиклассник) принес раненого журавля домой. Я поместила журку с курами и стала выхаживать. Весной он ходил уже уверенно. Однажды услышал курлыканье и попытался взлететь. Но не смог. Только через три года полетел в жаркие страны... Весной опять закурлыкали в небе журавли. Мы с мужем Володей сидим на лавочке у ворот и видим: один отбилась от клина – и к нашему дому. Я кричу: «Журка, журка!» Он ко мне, а от клина отделились еще три журавля, наверно, его сыночки, – и ну летать над нами. Облетели три круга над крышей, Володя говорит: «Оля, ну что ты делаешь?! Отпусти его, отстанет ведь». Я обнимаю журавля и плачу: “Журка, журка”, а он клюет и клюет меня... Такой вот благодарный...».

Раскрепощение. В Пермском университете первым доктором филологических наук стала Маргарита Николаевна Кожина.

В 1971 году я переживала эйфорию: поступила в аспирантуру профессора М.Н. Кожиной. Казалось совершенно естественным, что в дни, когда М.Н. на кафедре, я должна быть там же: вдруг понадобится для отчета, как работаю, что сделано. М.Н., заметив мою толкотню около кафедры, отвела в сторонку: «Мой отец говорил: “Если хочешь добиться чего-то в жизни, делай это самостоятельно, не жди указаний”. Я хочу передать вам этот совет...» Помню, что именно тогда я внутренне раскрепостилась.

Научное общение с М.Н. всегда было желанным, но кратким: в коридоре пятого корпуса, по дороге к такси, на балкончике небольшой квартиры надо было телеграфным стилем, скороговоркой передать свои мысли по теме научной работы. Считаю самой значительной поддержкой, интеллектуальной радостью оценку М.Н. «Это интересно!

Работайте в этом направлении». Мне бесконечно дороги эти слова, поскольку они помогали решать сложнейшую задачу – преодоление сомнения.

«Иначе диссертации не будет никогда...» Второй год аспирантуры. Мысль раскрутилась, невозможно успеть ни записать, ни додумать до убедительного, аргументированного утверждения. Например, если два предложения даже не связаны никакими лексическими единицами, они же принадлежат одному и тому же человеку – творцу, автору этой мысли, значит, неизбежно связаны... Пришла с этим неразрешенным рассуждением к научному руководителю. Послушала М.Н. мои сбивчивые «высказывания» и сказала: «Это интересно, но пока об этом даже не думать. Иначе диссертации не будет никогда». Конечно, эта проблема «стучит молоточком» всю мою жизнь, пробивая иногда крошечные выходы.

«Не в моей компетенции». По воспоминаниям Алексея Ивановича Дунёва (коллеги из СПб.), акад. А.В. Бондарко, выдающийся отечественный лингвист, отнюдь не всегда считал возможным высказать свое мнение при обсуждении именно лингвистических диссертационных исследований и формулировал причину так: «Не в моей компетенции». Вполне можно квалифицировать данную реплику академика в качестве маркера: 1) высокой научной культуры дискуссии, 2) ответственности за высказанное мнение, 3) дифференциации знания глубинного (фундаментального) и обыденного (на уровне здравого смысла) [Котюрова, Левченко, Кушнина 2015].

Высокая культура общения. На конференции в Белграде мне поручили вести секционное заседание. Волновалась: придут ли слушатели, все ли докладчики готовы, активное ли будет обсуждение докладов... Всё шло своим

чередом. И вот: за две минуты до начала входят «лингвистические ассы» – профессора Замир Курбанович Тарланов, зав. кафедрой русского языка из Петрозаводского университета (Россия), известный организатор славянской стилистики Станислав Гайда из Опольского университета (Польша), Милосав Чаркич и Андрей Стоянович из Белградского университета. Со всеми знакома по конференциям в Ополе. Заволновалась еще больше: не осрамиться бы...

Это был настоящий подарок в виде поддержки людей **ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ** общения: состоялось замечательное обсуждение докладов (особенно) молодых ученых – позитивное, доброжелательное, высветившее лучшие стороны научной мысли исследователей. Вот это школа высочайшего уважительного отношения к коллегам!

На другой день «четверка» пришла в гостиницу попрощаться перед отъездом. Я приготовила символические подарушки: по две маленькие салфетки (связала в поезде Москва – Белград) с запиской из блокнота:

«Пейте утренний кофе, вспоминайте Белград, жён своих берегите и не ждите наград».

Растрогались...

В варшавском подвальчике... В бедные 90-е – поездка на научную конференцию в Польшу, в г. Ополе. «Камой» до Москвы, почтово-багажным до Бреста, электричкой до ... уже на территории Польши, а там рукой подать до Варшавы... С утра в небольшой гостинице готовлю бутерброды: перекусить во время прогулки в «сердце столицы» – на Ратушной площади. Ясно, что бутерброды с колбасой и ломтиком помидора и чай в кафе – самый дешевый вариант обеда... Проголодавшиеся путешественницы обрадовались, оказавшись перед непрезентабельной дверью: «Именно это для нас». Вход в подвальчик с винтовой лестницей, стенами из каких-то булыжников, на 2–3 выступлениях – гладиолусами в

бутылках из-под шампанского... Просто, уютно... Заказали мороженое. Официант принес его на больших тарелках – по 6 шариков – разноцветных! Восторг! Отдохнули замечательно! Официант идет с сафьяновым сундучком. Шепчу: «Долларов 100 заплатим»... Открываем сундучок медленно, с достоинством не обремененных бедностью иностранцев: «126 долларов»... (Это было больше, чем мы заплатили за двое суток в гостинице). Кажется, никогда не видела таких унылых лиц колежанок: столько денег промотали, а Ополе ещё впереди. (Нельзя не сказать, что на этом фоне, конечно, сердечное, понимающее гостеприимство уже в то время известного ученого в области славянской стилистики Станислава Гайды и его супруги Кристины Гайдовой *незабываемо*).

На каждой кафедральной тусовке мы – Елена Александровна, Наталия Васильевна и я – с удовольствием предаемся воспоминаниям о варшавском подвальчике...

Сила притяжения. Научная конференция по стилистике в г. Ополе (Польша). Вечером – концерт студенческого хора. Во время исполнения одной песни моя сентиментальная душа прослезилась, что было замечено польской коллегой. В тот же день поздним вечером в комнате студенческого общежития, которую я покидала в 5 часов утра, появляется доцент кафедры русского языка Опольского университета Олимпия Малицкая с радостно возбужденным лицом, играя листочком из блокнота: «Нашла!.. Хочу сделать вам подарок!..». На листочке записаны слова *той* песни, окончания некоторых слов зачеркнуты и исправлены (по телефону же продиктовано!). Это стихотворение польского поэта Циприана Норвида, который сорок лет провел на чужбине, постоянно борясь с нуждой, умер в Париже в 1883 году всеми заброшенный и забытый. Глубоко ностальгическое стихотворение «Моя песенка» созвучно типич-

ному состоянию отчуждения и одиночества, присущего не только этому «печальному поэту»:

Везде тоскую. Кому я нужен?
О дружбе – ведь со мной никто же
Не очень дружен –
тоскую, боже.

Норвиду присуща «непровинциальность», чувство того, что польские проблемы могут быть решены не ранее других европейских вопросов. По мнению польского литературоведа Ярослава Ивашкевича, «Норвид, – разумеется, поляк, разумеется, патриот, – был не только великим европейцем, но и гражданином мира». Как своеременно и совершенно понятно звучат слова Циприана Норвида в стихотворении «Особенности»:

Как плох сей мир! Но отчего
Он не подобен раю?
– Послушай – д в у х людей я знаю,
Из них бы сделать о д н о г о !
.....
Наш мир Эдемом мог бы стать!
Когда бы сердце с головою
Соединить в одно живое.
Да где бы гОловы достать!

...По-видимому, сила притяжения мысли Циприана Норвида столь велика, что не отпускала меня и в Перми. Представьте себе: учительница русского языка и литературы Агния Федоровна Пактовская, ценитель поэтического слова, вскоре по моем приезде из Польши, сообщает: «Разбирала книги в кладовке. Нашла польского автора, вам, наверное, будет интересно...». Знаю, вы уже догадались: я получила сборник стихов именно Циприана Норвида! Мистика какая-то! Ну как не притяжение: студенты Опольского университета, трогательно исполняющие «Мою

песенку», пани Олимпия Малицкая с удивительно сильной эмпатией к другому (в данном случае ко мне) и деятельным участием в соответствующей ситуации, замечательный пермский учитель (не случайно завуч школы) Агния Федорова, наконец, моя память об этой ситуации с «Песенкой» и томик стихов польского поэта XIX века на моем письменном столе.

Движение, динамика позитивной мысли формирует единомышленников – разных по силе притяжения, но, главное, неиндифферентных, равнодушных, способных подержать, углубить, расширить, развить, уточнить, рафинировать, совершенствовать даже самый малый росточек человеческой мысли. Независимо от времени и пространства...

«...Стёнку жду...». Всем известно: Великая Отечественная война окончилась 9 мая 1945 года. Оставшиеся в живых отцы, братья, сестры вернулись домой. Даже в этих семьях радость была недолгой: нищета, разруха как в городе, так и в деревне требовали работы, работы и работы...

Но я не об этом. Я об отголосках войны – незримых, неслышимых, сокрытых поношенными кофтами да черными платками. Год, наверное, 1948. Значит, уж три мирных года живут старички Иван Назарович с Ириной Платоновной. Не слышно даже, чтобы где-то солдат с войны пришел. Вот и от Степана никакой весточки. Иван Назарович сжал свою тоску по сыну и прикрыл ее быстро сидящей бородой. А Ирина Платоновна вот уж семь лет изо дня в день в каждую свободную минуточку присядет с краешку широкой лавки и всё смотрит вдаль, за огороды... Внучка спрашивает: «Что ты, бабушка, все туда смотришь?» – «Степку жду. Вдруг пойдет по тропке, а я прогляжу».

Умирала Ирина Платоновна – голову всё в ту сторону поворачивала...

Ну как не думать...

Эмоции – на качелях. В конце 80-х на поездах ездило много народу. Моё место в плацкартном вагоне самое никудышное – верхняя боковая полка у туалета. Но ведь радость: домой еду!

В купе сидят двое молодых людей в солдатской одежде. Разговаривают на разные темы, которые объединяет одно – мат-перемат. Со всей профессиональной выдержкой обращаюсь: «Ребята, не сквернословьте, пожалуйста». – «Извините, мамаша». И дальше в том же самом духе. Ну, думаю, ничего не понимают, пора овладевать ситуацией. Подсаживаюсь к ним, начинаю расспрашивать, откуда и куда едут, как служилось в армии, с каким настроением на дальнейшую жизнь возвращаются домой.

Боже ж ты мой! Под бравадой в форме смачной матерщины открылись такие страдающие души... Совершенно не готовые нести груз ответственности: заменить полгода назад похороненного отца, другому – остаться в селе с матерью, внезапно заболевшей из-за закрытия детского дома, где она работала воспитательницей. У обоих (дай Бог, временная!) такая безысходность... Ни у того, ни у другого нет специальности, нет работы, нет денег.

Мои эмоции как на качелях: осудить – понять, понять – посочувствовать, посочувствовать – нет, выше – пожалеть... Будьте внимательны к молодым, неокрепшим, не подготовленным нами к жизни. Всякая шелуха, в том числе речевая, – это временно.

Репетитор-воспитатель. Общеизвестно, что в XIX веке репетиторством занимались студенты третьего-четвёртого курсов университета. В 90-е годы XX века ситуация изменилась: индивидуальной подготовкой к поступле-

нию в вузы заинтересовались учителя, кандидаты наук и даже доктора наук.

Я любила эту работу за динамизм в развитии личности. Ясная, конкретная цель – поступить в университет именно в этом году – творила чудеса. Количество ошибок при выполнении тестов убывало вместе с осознанием закономерностей употребления русского языка. Осмысление орфографии и пунктуации без муштры придавало оптимизм, души детей радовались.

На этом фоне вспоминается маргинальная ситуация. Пришёл заниматься русским языком Никита – вежливый такой, скромный, можно сказать «твёрдый хорошист», что выяснилось уже на первых занятиях. Помню, третью встречу мы сократили, поскольку он спешил. Четвёртую – тоже. Оплата сокращена, «со сдачей». Избыточные деньги, связанные с ложью Никиты, думаю, совсем не радовали его.

– М.П., извините, пожалуйста. Мне никуда не надо было идти. Просто я экономлю деньги.

– Хочешь купить подарки? Сюрприз маме?

– Мы с ребятами во дворе решили купить машину. У одного друга отец обещал помочь: у него бизнес.

– Никита, тебе лично зачем нужна машина, куда ты будешь ездить?

– Ну, например, встретить родителей с поезда или самолёта.

– Конечно, это хорошее намерение. А вот другое хорошее намерение – прокатиться на машине с девушкой. Как ни странно, и у друзей возникло такое желание. Ясно, что машина всем нужна не с утра, а вечером. Тут принцип «по очереди» не сработает, и тогда мирные переговоры легко перейдут в драки. Вот и придёт конец романтической дворовой дружбе.

– А что теперь делать?

– Вы учитываете, кто сколько денег внёс? Вот и раздайте их.

К этой теме мы больше не возвращались. А в сентябре встретились: заговорщически подмигнув, я спросила: «Дружите с ребятами во дворе?» Счастливый Никита спешил в аудиторию экономического факультета, радостно крикнул уже на ходу: «Дружим! М.П., спасибо Вам!»

Я была так рада.

Катарсис. Встретились с приятельницей, бывшей однокурсницей. «Приходи сегодня в 5 часов на чай». Воскресенье – почему бы не прийти. С коробочкой конфет – в гости. А там (в однокомнатной квартирке) 5–6 женщин в одинаковых бирюзовых платочках, благообразные такие, приветливые. Сидят скромненько на табуреточках. За столом стоит молодой красивый мужчина. Проповедник. После беседы о любви Господа к каждому человеку, за чаем, Юра (так его все называли) рассказывал о себе.

Судьба его соответствует линейке: дом малютки (оставлен матерью) – детский дом (защищая честь, достоинство и лишний кусок хлеба, не научился плакать *вообще*) – армия (конфликт с офицером) – тюрьма, карцер (надзиратель подучил «косить под неходячего») – свобода – пьянство – встреча с баптистами (горючие слёзы) – семья – рождение сына.

После освобождения работал Юра художником-оформителем, деньги на хлеб с маслом и водку водились. Утром в холодильнике водки не нашлось. По дороге в магазин кто-то положил в кармашек сорочки записку. На другой день записка выпала, и Юра прочитал приглашение прийти на встречу (адрес и время указаны). От нечего делать решил поехать. Так оказался Юра в Молельном доме баптистов. Простой, проникновенный голос проповедника донёс неслыханное: «Бог – наш любящий Отец...». Выплеснулась глубинная, постоянная, не

осознанная ясно тоска по отцу. Вот же он, теперь Юра не один... Душа не могла справиться с этой радостью – пал на колени, зарыдал. А голос обычного человека, в недорогом костюме мастерового, производственника, продолжал: «Покайтесь – и прощены будете». В точку ждалась судьба – жизнь Юры – жестокая, страшная, грешная... Неудержимые слезы омыли душу страдающего красавца.

Как известно, в психологии и искусстве это явление называется «катарсис». К счастью, в судьбе Юры пережитое действительно явилось очищением, после которого началась качественно иная жизнь.

Благодарю...

С 1 по 22 октября 2020 года попала в больницу с ковидом. И вот – дома! Возбуждение – бессонница – вспыхивают искорки памяти...

По сообщениям, за мое здоровье, с одной стороны, молились: монахини в одном из пермских женских монастырей; монах из Соликамска о. Евграф (почитатель таланта профессора Г.Н. Чагина, в семье которого много лет назад состоялось знакомство); воцерковленные и невоцерковленные дорогие мне люди с искренним состраданием поставили свечи «за здравие» в разных церквях Перми; с другой – непонятный мне, но глубоко уважаемый дар применила со стремлением помочь профессор из Тюмени... А приветы и пожелания здоровья от соседей (25 лет пользуемся «одним лифтом»!), передаваемые замечательным человеком Людмилой Кирилловной Чагиной, женой и другом покойного профессора Георгия Николаевича Чагина. В этих приветях тоже огромная поддержка...

На этом фоне совершенно неслучайной воспринимаю сложившуюся ситуацию... В силу ли обстоятельств (уже

переболела ковидом) или по другим причинам профессор кафедры Елена Александровна Баженова явилась для меня безусловным ангелом-хранителем: «подняла на ноги» необходимых для устройства в больницу людей (мест не хватает), сопровождала «до дверей»... Но это, как говорится, логика радио... Главное для меня, конечно, заключается в другом – сердечности, заботе. Меня привезли «из постели», без необходимых не только мелочей, но без халата, тапочек и проч. Елена Александровна всё предусмотрела и на другой же день передала «огромный» пакет... О еде я уж не говорю... Как только прорезался аппетит (через две недели после заболевания), Е.А. с любовью реализовала рецепты различных блюд: замечательного овощного супа-пюре, какой варила ее мама Ольга Александровна во время болезни дочерей Марины и Лены, болгарского супа «таратор», полюбившегося во время моего гостевания на даче Е.А., и др. Только и могу выдохнуть: «Дорогой мой ангел-хранитель».

В свою очередь, от всей души радуюсь тому, что в день моей выписки из больницы (вчера, т. е. 22 октября) Е.А. на конференции on-line в Томске сделала свой доклад на пленарном заседании, квалифицированный проф. Н.С. Болотновой как «образец научного доклада». Надеюсь, что мы еще поработаем вместе (как когда-то очень давно написала мне в славный город Нытву мой будущий научный руководитель и Учитель Маргарита Николаевна Кожина). Это остается одной из моих «мечт».

Ковидные ночи

Думайте о хорошем! Сколько раз в своей жизни (при нездоровье, конечно) я слышала напутствие «на сон грядущий»: (бабка) «Матушка ты моя, думай про хорошее!»; (доктор) «Думайте о хорошем...»; (Елена Александровна

20 октября 2020 года по телефону) «Спокойной ночи, Мария Павловна! Думайте о хорошем!». И каждый раз всплывала одна и та же картина. Июнь. Я на каникулах. Несу с речки воду. Тропинка узкая, а ведра на коромысле. И так мне радостно оттого, что не могу увернуться от пыльцы. А бабушке говорю, как бы извиняясь: «Столько сору в воде принесла...». Ответ же незабываемо прост и прекрасен: «Да какой это сор! Каждая травинка цветет – радость тебе от солнышка посылает...». Тут уж не просто радость – счастье!

Только такое – от Земли – хорошее чувство хранится в душе всю нашу жизнь...

Серебряные капли жизни – это та грань, которая отделяет взрослого человека от суеты и позволяет душе пребывать в чистоте и радости.

Почему-то рядом с этой картинкой почти всегда возникает вот эта «чепуха».

Общежитское веселье. На первом курсе в педучилище не хотела, чтобы надо мной подшучивали; спать ложилась поздно, с самыми «выносливыми», поэтому явно недосыпала. Утомление и усталость нарастали. И вот... Двенадцать часов ночи. По радио исполняется гимн. Кто-то обратил внимание на то, что я сплю. Как?! Разбудить! «Маша! Уже 8 часов! Опаздываем! Слышишь: гимн!» (В восемь утра тоже передавали гимн). В комнате суматоха: кто одевается, кто еще полураздет, какое-то всеобщее движение. Я невозмутимо (видимо, в полусне) достала из тумбочки свидетельство о рождении (просили принести), аккуратно свернула вчетверо, положила его в старый школьный портфельчик – и готова идти в училище. Но не одна же... Из шестнадцати-то человек всегда кто-нибудь рядом... В этот раз рядом оказалась Нина Сурякова. Пошли... В коридоре умывальник, места заняты. Все опаздывают...

Погода просто замечательная: лунный свет, плавно-плавно опускаются снежинки, нежно прикасаются к щекам, хочется смеяться... Нас торопливо обошла лишь одна пара немолодых людей. Наверное, из кино. Тишина... – Нина, я даже не умылась... – А я-то? И чулки не надела. После первого урока надо в общежитие... На крыльце педучилища никого, парадная дверь закрыта, скорее во двор, там черный вход. И там закрыто... Какой сегодня день? Четверг. В чем же дело-то? Идем обратно не торопясь. Сон прошел – хорошо, свежо! Входим во двор общежития: на ступеньках, на перилах лестницы на второй этаж гроздьё веселых душ, в коридоре – тоже. Нина наконец прыснула и тут же испарилась... Казалось, всё общежитие стонало от смеха, а я думала: «Хорошо, что положила свидетельство, теперь можно спать спокойно»...

Этого немудреного общежитского веселья хватило на дальнейшие 60 с лишним лет. Конечно, при встречах на редких посиделках, когда неизбежны воспоминания... Вот и еще вспомнилось... Грустные, сентиментальные, веселые истории сыпались из памяти в гостях 5 мая 2019 года у землячки и дальней родственницы Татьяны Васильевны Мазуниной, кстати, очень креативной учительницы географии. Случай, ситуация, иногда одна только реплика вызывали столько ассоциаций, что неизбежно возникало общее эмоциональное настроение.

Ох, уж эти интроверты... После четвёртого класса я жила у тёти: в деревне бабки и дедки была только начальная школа. Тётя по ночам топила печи в техникуме, а днём отсыпалась дома. Я тосковала по бабушке, а также и брату Ване. Мы с тётей редко разговаривали. Однажды я высказала мнение, что в пионерском лагере, наверно, очень интересно. Тётя в своей интровертированной душе развила эту мысль и заказала путёвку. Стоила она рублей 150! Но я-то

ничего не знала о путёвке. Накануне отъезда в пионерский лагерь мы встретились с подружкой Тоней (из деревни), которая в этот день дежурила в саду педучилища, а вечером собиралась идти домой.

– Зачем тебе в лагерь? Разве у нас в деревне хуже?

Я представляю свою родную деревню, речку, полянку, игры, землянику, морковку, бобы, горох, грибы – всё мелькнуло перед внутренним взором интроверта и перевернуло решение. Домой! В свою деревню! Тёти дома не было, информировала только соседей.

Каково было тёте пережить этот необдуманный и непредсказуемый поступок племянницы! Прости меня, великодушная крёстная! Трудно двум интровертам-молчунам жить в одной семье...

Ревность. Немолодая, нездоровая уже бабушка постоянно жила в печали. Забота поднять внуков, сирот, не отпускала, не давала душе отдохнуть....

А однажды... Взглянула в кухонное окно: видно, как от ключика идут внуки Павлик, Гриша и Шурка. Это наши двоюродные братья. Бабка вышла за ворота встречать малышей. Мелькнула не очень-то добрая мысль: «Как гостей». Бабушка привела детей в избу: – Да матушки вы мои... Большие уж выросли... Одни пришли... И дорогу не забыли... А у меня и угощение есть: калачики вот испекла... Братья недолго погостили и отправились домой.

Бабушкина... ласковая интонация сбила меня с толку. Я закуксилась.

– Ты чего реवेशь? Захворала?

– Да не-ет... Ты, бабка, больше любишь ребятишек, чем нас с Ваней...

Тут уж – без паузы: – Значит, вас я меньше люблю? А утром печь топлю, картошку варю, «просыпайтесь, умывайтесь, за стол садитесь» говорю, ешьте картошку

горяченькую, припивайте молоком... И так каждый день, каждый день... А в воскресенье еще кулики и шаньги стряпаю... Да как язык-то у тебя повернулся такое бабке-то сказать... Меньше вас любят... И замолчала от большой обиды. Но не надолго: — А ребятишки ведь первый раз пришли... Одни, без матери... Как бы не заблудились, махонькие ведь... (Дошколятами еще были).

Вот так учила неграмотная бабушка культуре чувства. Спасибо тебе, милая бабка!

Обида. После окончания педучилища мы вдвоем приехали в детский санаторий и стали работать воспитателями. На выходные подруга нередко ездила к родителям, где её отец работал председателем совхоза. Каждый раз привозила целый килограмм мандаринов. Нам они очень нравились.

Однажды к подруге приехала мама, очень веселая и общительная. В возбуждении от встречи все долго не могли уснуть. В тишине вдруг слышу шепоток: «За мандарины-то Маша отдаёт тебе деньги?» — «Да ты что, мама?.. Нет, конечно».

Не думала я, что за угощение, посланное родителями подруги (с которой «все пополам»), надо платить деньги. Всю ночь уснуть не могла...

Какой хороший день!.. Сегодня 20 июля 2020 года. Пандемия кругом... То ли устали от нее, то ли привыкли к ней... Объявлены послабления. Землячка Татьяна Васильевна Мазунина вчера вечером приехала из деревни Осока, изумительно красивой, а сегодня устроила нам замечательный день. Собралась компания: Таня, Нина Александровна (тоже землячка), Людмила Кирилловна (соседка и большой друг) и я. Таня читала свои стихи (я, говорит, не при чем, они «приходят» ко мне сами, я только быстро записываю). Таня подарила мне листочки с аккуратно написанными стихами (так

трогательно!) «Соседки» (это о нас с Л.К., «Памяти Валентины Толкуновой», «Олегу Погудину», «Александру Радионову» (одноклассник, друг, художник). А «Гимн Перми» (слова Т.В. Мазуниной, музыка В.Г. Селезнёва, осинского композитора) оказался в телефоне ЛК, поскольку мой телефон не выполняет такой «услуги».

Соседки

Дорогим женщинам Марии Павловне и Людмиле Кирилловне

Золотые женщины,
Милые соседки,
Вы встречайтесь за чайком,
Встречи будут пусть нередки.
Теплый вечер. Чай с вареньем.
Вид прекрасный из окна.
Как приятны эти встречи,
Часто даже допоздна.
Разговоры по душам –
Лучшая отрада.
Побеседуйте «про жизнь»!
Как за вас я рада!
Труженицы, умницы,
Умелицы во всем.
Божьей будет вам наградой
Здоровье, радость встреч
Да ваш уютный, светлый дом.

Т.В. Мазунина, моя землячка.

Гости в роли хозяев. Нина Александровна Батина, другая землячка по Чёкуру и тоже родственница, рассказывает: В Ростанях престольный праздник Заговенье. Абрам

и Потя (Евфросинья – Опросинья – Потя) с раннего утра готовились принять гостей из соседней деревни Чёкур... Абрам терпеливо ждал, когда накапает из аппарата самогон, Потя поставила тесто, принесла рыбу для пирога... Всё шло своим чередом... Пробовали, конечно... Заходят гости в избу: Абрам спит на лавке, Потя – на холодной печке. Дрова приготовлены. Гости – за дело. Печь истоплена, традиционные рыбные пироги, картофельные шаньги на столе. Зашевелилась на горячей печке Потя, села на западёнку, обвела избу глазами: – Чё это я? Не дома, что ли? – Это мы не дома... Принимайте гостей!..

Друг мой Людмила Кирилловна Чагина

Светлые воспоминания. Пришла пора, когда стала недоступной спешка, зато как трогательны разговоры «за жизнь» после вечернего чая. Моя постоянная собеседница – соседка по этажу, приятельница, ангел-хранитель Людмила Кирилловна Чагина – рассказывает о семье брата. Невестка Валентина тяжело заболела. Я поехала навестить ее. После ужина вспоминали прежнюю жизнь, молодые годы, родителей. А потом брат Валера говорит: «Почитаю вам свои стихи». Читает, но из-за нечеткой печати на машинке сбивается, сердится. Валя деликатно подсказывает, выручает. – «Ты их знаешь? Когда выучила?» – «Да не учила я... Придет пьяный, спать не ложится, хорохорится... Я возьму папку с его стихами, сяду рядом, начинаю читать. Сначала он спорит, что-то поправляет, а потом затихает... Со стихами и засыпал. Так я повторяла и повторяла. Вот и выучила». Жизнь, как видно, была нелегкой, а воспоминания – светлые.

Это был прощальный вечер. Надо было уезжать. А через неделю получили печальное известие...

Улыбающаяся собака. Мы с Таней, рассказывает Людмила Кирилловна, – врачи, приехали в Чердынь по распределению. Жили в одной квартирке. Меня, хирурга, вызывали к больным и днем, и ночью. Стираю или мою полы – стук: на пороге шофер. Заканчивает начатое дело Таня. Ночью спим себе, снова стук. Знаю: это за мной... Таня, говорю, не вставай, ведь я не сплю – и ты не спишь... Все равно всегда провожает меня. Она невролог, у нее другая работа. А я уезжаю в темноте и возвращаюсь в темноте. Шофер ждет, пока не включу свет: мигает – значит, все в порядке. Таня сочувствует мне... Однажды приезжаю ночью с вызова, открываю дверь – в прихожей свет включен, а на стуле сидит огромная, как мне показалось, улыбающаяся, пушистая собака! Радостно встречает меня... В этом году Тани не стало... Дорогая моя, я помню и люблю тебя!..

Главный хирург нашей Чердынской больницы – Сан Саныч. Он выполняет сложные операции, ему помогает опытная старшая медсестра Анна Николаевна. Она, кажется нам, не только знает весь процесс операции, но чувствует дыхание мысли Сан Саныча. Однако в процессе операции не все идет по алгоритму... Разумеется, виновата Анна Николаевна: то игла не та, то иглодержатель, то подала не так: «Анна, дай другую иглу...», а если все заладилось, то Сан Саныч – ласковым голосом: «Нюра, вот видишь, если ты делаешь все правильно, то и у меня все получается...». Анна Николаевна смущенно уточняет для нас: «Я подавала одну и ту же иглу...»

Сан Саныч – военный хирург, а я – после института, врач общей практики, без какой-либо специализации... Привезли экстренного больного... Мы оперируем, меняясь местами с Сан Санычем: сложные манипуляции выполняет он, простые – я. После операции наш Главный хирург складывает руки «в замок» и умильно-торжественно сообщает:

«Больно-ой, вас оперировал хирург Ираида Кирилловна!». По некотором выздоровлении больной разыскивает названного доктора, чтобы сказать «спасибо», но человека с таким именем в отделении не находит...

Сан Саныч всегда называл меня Ираидой Кирилловной, потому что я, говорили, была похожа на его покойную жену...

«Подсудное дело». В Чердынскую больницу – оперировать – больных привозили из трех северных районов Пермской области. Жизнь была – по минутам. В конце месяца старшая медсестра приносила Сан Санычу кипу историй болезни: он должен написать эпикриз и расписаться, чтобы она могла сдать документы в архив. Он укоризненно смотрел на папку и, не открывая, произносил: «Предать огню».

Случай из врачебной практики. Привезли мальчика лет пяти. Болит живот... «Сан Саныч, не могу понять, в чем дело». После нескольких вопросов и моих ответов решительный совет: «Дайте стакан шампанского, помассируйте живот, сделайте клизму из шампанского». Полегчало... Когда я заходила в палату, мальчик всегда просил: «Кирильевна! Дай водки!»

То ли из дому привез, то ли в больнице получил Юра, похоже, стойкий жизненный опыт...

Ассоциативное мышление. Для душевного комфорта завтракаем вместе с Людмилой Кирилловной. Разговоры разговариваем... Медицинских тем избегаем: я слишком эмпатична, быстро вхожу в состояние сочувствия к боли, медицинская конкретика мне просто чужда.

– Вы помните журналистку №?

– Нет, это фамилия врача, о котором в нашей больнице долго вспоминали... ЛК натурально прыснула, потом стала смеяться столь заразительно, что по инерции я попросила рассказать историю.

– Солнечным утром врач-патологоанатом N идет по двору, посвистывая, играя ключом. Открывает дверь морга, входит... и вылетает стрелой с душераздирающим криком... У входа на стуле СИДИТ привезенный вечером «труп». От холода в морге алкоголик образумился и стал искать теплые вещи. Нашел кое-что: простыни, разные халаты. Укутался, ожидая спасителя... от смертной дрожи. Спаситель явился и чуть не умер ... от страха.

Ассоциативное мышление – оно разное...

Размышления

Справедливый укор. Дети появляются не всегда «вовремя». Вот у нас, например: у меня – дипломная работа, защита, поездка к родителям мужа, переезд в деревню Постанови (где мы работали в школе), одна с месячным младенцем, тоска; у Жени – повышение «по службе», переезд на новое место работы... В душе нет комфорта – и нечем кормить Сережу. Конечно, спасают советами и парным коровьим молоком многоопытные женщины. Ребеночек пухлеет-хорошеет. Навещают старшие девочки – восьмиклассницы. Света говорит: «Ну почему ты, Сережка, поздно появился... Я бы за тебя замуж вышла». Матери – радость.

А тут весть: в деревню из района приезжает педиатр. Надеваем новый костюмчик и – конечно, с гордостью! – на прием к врачу. Приветливый взгляд Златы Петровны и вопрос «Чем кормите ребенка?» не смутил меня: Молоком. – Каким? – Коровьим. – Милая моя, *коровьим – теленочка, а маминым – ребеночка*. Поразительно: так просто, совершенно понятно и справедливо. А реально-то (и ведь нередко): человек резко, а не постепенно оказывается без непосредственного участия мамы.

Прямо как сиротка...

Радоваться жизни! Безусловно, согласна: надо радоваться жизни! Когда я слышу этот мудрейший совет, мысленно возникает ситуация, которую просто не могу не описать. После окончания педучилища мы с Тамарой Вяткиной приехали по распределению работать в Полазненский санаторий воспитателями. Квартину мы облюбовали на втором этаже двухэтажного дома, который стоял на самом берегу камского залива – красота! И очень практично: посуду мыли с мостков... Но в этой квартире уже два года никто не жил, потому что она была очень холодной. Кстати, мы и предположить не могли, как будут нас донимать морозоустойчивые клопы.

Но я не об этом... На крутом берегу залива, за нашим домом, была *землянка*, в которой жила большая семья: средних лет родители, старший сын (студент политеха) и трое маленьких.

Состоялся только один – но такой памятный! – диалог с невероятно счастливой женщиной.

– Как ваша семья помещается в такой маленькой квартирке?

– Ой, у нас сейчас так хорошо: из старых досок мы пристроили комнатку, оклеили стенки обоями, так красиво стало. Вова с другом приезжают из Перми,купаются, так любят там отдохнуть.

Помня о толстых бревнах дома в деревне у моего дедушки, спрашиваю:

– Зимой-то, наверное, холодно в этой комнате? Жить-то можно?

– Зимой-то она нам и не нужна: отапливать ее невозможно (из досок ведь!), дрова дорогие, Вова приезжает на зимние каникулы один, без друга. (С радостью: На четвертый курс института перешел, все экзамены сдал хорошо. Мечтательно: Скоро уж самостоятельно работать будет, так *квартиру* получит).

Мысль об этой счастьем светящейся женщине у порога землянки в уральском селе Полазна рафинирует (вот именно!) мое восприятие жизни...

Счастье – через препятствие. Бывает и так... В Полазненский детский санаторий пришла новая медсестра – красавица средних лет. Кто-то подарил ей комплимент: «Вера, муж тебя, наверно, на руках носит?» – Да, можно сказать... А с чего начиналось-то... В своем городе за мной ухаживали двое – офицер и солдатик. Я приняла «руку и сердце» солдатика. Поехали жить к его родителям, в станицу на Украину. Дали нам старенькую хату. Счастье! Но там ведь свои правила жизни, в частности, чтоб в определенное время на стенах были нарисованы «петухи», а в хате пол – вместо мытья – помазан глиной. Не раз уж мой муж интересовался, когда я займусь «петухами». Городскую квартиру родителей ими не расписывали, полы мыли водой, поэтому всерьез разговоры об этих птицах и глине я даже не воспринимала. И вот пришел мой муж с работы, издали увидел, что нет на хате петухов, снял ремень и отхлестал меня, приговаривая: «Не будет петухов на месте – завтра же поедешь к своим родителям»... Урок пошел впрок: мои петухи были самыми красивыми в станице, а в горнице всегда чисто и прибрано. Муж гордился мной, а я радовалась... А теперь вот живем в двухкомнатной квартире: свободно, у детей своя комната, все счастливы!

Анонимное письмо. В педучилище поступили 14–15-летние подростки. В общежитии дали места тем, кто из дальних деревень Молотовской области (ныне Пермского края). Их не отпускают воспоминания о привычном деревенском быте, а в сердце тоска по маме. Скучивались по 2–3 человека, а группочки объединились в «борьбе за справедливость». Это недолюбленные дети погибших на войне

отцов. И матерей, у которых ежедневная цель – продержаться, выстоять с детьми-полусиротами в голодной деревне. Это дети чуткие, ранимые и ... непредсказуемые... Мы все относились к классному руководителю Р.М. Кузнецовой очень уважительно. Думаю, что именно на этом основании у «общежитских» зародилась мысль о «любимчиках» Р.М. из другой такой же группочки. Это дело не новое, ревность, как известно, неискоренима. Зимним вечером было составлено письмо, подписанное «1 “А” класс», а самой смелой «авантюристкой» положено в классный журнал. Дело было 31 декабря, в конце рабочего дня в педучилище. Ура! С Новым годом, уважаемая учительница Р.М.!

Это был сильнейший психологический этюд (кстати, все мои подружки почему-то не помнят о нем). С одной стороны, понятен «комплекс недолюбленности», жалко девченок, а с другой – их же надо «социализировать», учить жить в обществе, соблюдая правила общения, причем прежде всего с теми, кто рядом...

...В каникулы Римма Михайловна вместо отдыха разрабатывала лекцию на тему «Анонимное письмо». На первом же классном часе прочувствовали (хочется надеяться, что все и на всю жизнь) позор любому автору анонимного письма, высказанный разными известными и неизвестными нам людьми, прежде всего классиком марксизма Ф. Энгельсом.

Дорогое письмо Тони. «Здравствуй, Маша! Привет тебе из Чёкура. Сажу у окна, одна в деревне, и решила написать тебе письмо. Я нынче всё время здесь почти одна. Сын работает вахтами: две недели на работе, две – дома. Но две недели дома – это теоретически. Практически – дней 5–7. Приходится принаравливать к автобусу. Дочь и внуки ездят редко: нет дороги. Да особо и не приглашаю. Приедут – и болеть. То простуда, то почки, то печень... Пища здесь грубая, капуста, картошка, лук. Вот раньше в деревне было хорошо:

во дворе – корова, на столе – свежее молочко, сметанка, творожок. А сейчас: денег полный кошелек, а в холодильнике пусто. Нынче в деревне мало кто держит коров, в Щипе даже молока купить невозможно. Сестра Зина жить не может без молока, но корову продали, купила козу. А муж Гриша коз не может терпеть, в доме – скандал.

...А за окном – весна. Отшумело половодье, мое любимое время года. Сегодня утром меня разбудил соловей – первый в эту весну. И я вспомнила, как 19 лет назад мы, четыре семьи, приехали в Чёкур, бросив городские удобные квартиры, чтоб заниматься любимым делом. Один из наших тогда сказал: «Если уж жить в деревне, то только в такой, как Чёкур. Ну это значит, что по весне цветущие черемухи кругом, и соловей под окном, и речка за двором, вода в ней лесная, холодная, чистая. Летом – гул пчел да пение птиц, а зимой – снежная белизна и первозданная тишина... Только мы тогда и не думали, что в такой безлюдной деревне, с тишиной и соловьями, гораздо больше, чем в обычной, мух, комаров и клещей. А пчелы будут донимать и нещадно жалить наших бедных родственников. Где вы теперь, мои товарищи, с кем мы все тут начинали? На кладбище – почти все: и Володя Кашкаров, и Кирилл с Людмилой, и Саша Шестаков... Остались я да Туров. Но Туров не выдержал испытания деревней, уехал, сейчас у него здесь – только дача.

Ну вот, ударилась в воспоминания. Вообще-то воспоминания накатывают на меня часто. Старее, видимо. Чаще всего вспоминаю молодость. Деревню с красивым названием Кленовая, куда направили меня работать после Осинского педучилища, клуб с печкой-буржуйкой, которую затапливал первый пришедший парень, худ. самодеятельность, драмкружок, танцы под гармошку и, конечно, незабвенную кадрили. В одном советском фильме городской парень, прийдя в сельский клуб, сказал: «Судя по наличию кадрили, здесь не ступала нога человека – цивилизованного». А наши возили

кадриль на районный смотр худ. самодеятельности и заняли там призовое место. Сейчас я изредка смотрю на пожелтевшую фотографию, где кленовские пары отплясывают на сцене Ильинского районного дома культуры. Один из кавалеров – мой муж. Ему там 18 лет.

Мысленно я живу уже в Щипе. Но осенью уехать не смогла. Оказывается, как просто бросить все и уехать куда глаза глядят в 30 лет и как трудно (а может, невозможно?) сделать это в 70. Знакомые поражаются: как ты живешь одна? Тебе не страшно? Тебе не скучно? Мне не скучно. У меня 3 удовольствия: пчелы, книги и телевизор. Пчелы – мое хобби. Книги – наслаждение. Телевизор – утешение. Там одна передача «Суд идет» чего стоит... Посмотришь, как здоровая, благополучная дочь через суд вышаривает мать из своей квартиры, и думаешь: «Вот где горе!». И свои неприятности кажутся мелочью. Вообще-то увлекаюсь телевизором больше, чем нужно. Смотрю сериалы, если конечно они хорошо поставлены. Сын говорит: мыльная опера. Ничего подобного. Сериалы учат, как надо жить в семье, они заставляют нас видеть наши ошибки, и вообще интересно... Наверное, становлюсь мещанкой. Но ведь я уже пенсионерка. Хотя работы очень много. Кроме пчел, держу скот. Куры, овечки – все требуют внимания. Конечно, если бы мне кто-нибудь лет 30 назад сказал, что я буду доживать вот так – в безлюдной деревне, держа скотину... я бы того убила.

Ну что еще тебе написать о себе? Жизнь моя скучная, однообразная и неинтересная. Хотелось бы о тебе узнать... Ты усиленно приглашаешь меня в гости, к сожалению, приехать не могу. На автобусе уже не езжу, в Перми бываю только раз в год, когда увозим на своей машине к сестре на продажу мёд. Но сын плохо ориентируется на пермских улицах, мы ездим, минуя центр города.

Пока до свиданья. Остаюсь пока жива-здоровая (относительно). *Тоня.*

PS. Только сейчас смогла отправить это письмо с твоими родственниками. Письмо безбожно устарело, хотела порвать и написать новое, но поняла: порву, а написать снова вдруг не смогу. Мёд – подарок тебе от меня».

Поездка на малую родину. На Троицу (20 июня) в прежние времена из окрестных деревень приходили и приезжали «гулять» в Нижний Чёкур. Нина Александровна Батина уговорила меня съездить (в 2019 году) в Щипу, в двух километрах от бывшей деревни Чёкур. В Щипе у Нины родня: брат Иван Черёмухин, его жена Тамара, а через дом живет их дочь Нина с мужем Анваром. Что ж, поехали: поплачу, думаю, на могилках мамы, бабки, дедки, посмотрим, говорит Нина Александровна, на родные-то места... Удастся ли еще побывать там да полюбоваться «прекрасными уральскими угодами» (выражение дедки), где лес – для дров, поля – для пшеницы, речка – для чистоты и красоты. Ну всё для человека! Недаром же, как говорил дедка, «деревня наша большая, в ней 60 хозяйств». Но не устояла наша малая родина в перестроечные годы – нет ее ни на земле, ни на современной карте...

Расскажу о Щипе. Поражает красота: кажется, цветет каждая травинка. Впервые увидела роскошное (белое, но и не белое!) убранство куста калины... Удивляет открытость деревни: нет заборов, изгородей, нет тропинок для пешеходов. А зачем, говорит Иван: скота нет, только собаки бегают, если не привязаны, машины ходят редко, дорога свободна. В деревне 12 домов, а коров только две: одна – в хозяйстве Ивана Александровича, а другая – у их дочери Нины. Кстати, 80-летний Иван содержит немалую пасеку (при наличии внуков уход за ней передать некому: молодежь, говорит, не любит работать). А вот зять Анвар ухаживает за своей любимцей – лошадкой-красавицей (запомню кличку). Но... в деревне нет ДЕТЕЙ. Ясно главное: вот и прекрасная уральская Щипа – деревня «вымирающая».

С Ниной Александровной навестили землячку «по полянке» Антонину Николаевну Соколову (в девичестве Черёмухину). С Тоней мы вместе поступали на филологический факультет университета. Недоучилась она по семейным обстоятельствам. Когда дочь и сын подросли, Соколовы переехали в Осу. Чтобы работать в отделе сельского хозяйства районной газеты «Осинское Прикамье», Тоня поступила на заочное отделение агрономического факультета Пермского сельхозинститута. Училась с восторгом: только, говорит, «по тракторам», перед которыми трепетали студенты-мужчины, была «тройка».

«Вознаграждение» с избытком. Общеизвестно, что **Золотое правило нравственности гласит:** *«Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе»*. Это правило обычно иллюстрируют детям как правило поведения: будь вежлив, не груби, не бери чужого и т. д. Человек легко усваивает это правило, как мне кажется, потому, что не задумывается над смыслом, т. е. формально, сообразуясь лишь с очевидностью...

А если обратить внимание на невысказанное в формулировке правила уточнение — *относись к людям с пониманием*? Надо сказать, что это уточнение осознается не во всех случаях, отнюдь не многими, а некоторым вообще «никак не дается». А если и осознается, то по истечении времени, когда уж ничего нельзя исправить. Особенно важно подчеркнуть, что нарушение этого правила возвращается к нам *с усилением, в избытке* и воспринимается как несправедливость — *за что?* Вот пример-воспоминание.

Моим первым любимым преподавателем была Франциска Леонтьевна Скитова, которая «похваливала» меня на семинарах и, думаю, хотела, чтобы я стала изучать диалектологию. А мне всегда (еще в педучилище) хотелось как можно лучше знать русский *литературный* язык. Поэтому

студенческой научной работой (со второго курса) я стала заниматься под руководством Маргариты Николаевны Кожинной, которая на первом курсе преподавала нам лексикологию современного русского литературного языка.

Из-за чего мне и теперь совестно? А из-за того, что тогда мне и в голову не пришло поговорить с Франциской Леонтьевной, объяснить ей мое решение... Мало того, подобная ситуация произошла и в другой раз. Поступила в аспирантуру к профессору М.Н. Кожинной. Аспирант на кафедре – после лаборанта первый помощник в делах. Ф.Л. руководила работой над созданием Акчимского словаря. Привлекла и меня. Но наша семейная, хотя и дружная, но неустроенная жизнь, работа в библиотеке с открытия до закрытия не оставляли времени для других дел (ни в словарном кабинете, ни для занятий французским языком – мечтой с детских лет). Я просто не стала появляться в словарном кабинете. И опять не объяснилась с Франциской Леонтьевной, почему она не получила помощника в горячо любимой ею работе... Моя душевная глухота, внимание только к своим делам и заботам – вот оно, нарушение золотого правила нравственности! Не скажу, что это не мучало меня... Но главное в том, что я получила возмездие *с усилением, в избытке, причем через много лет, что долго буквально не могла опомниться...*

Первокурсница изъявила желание заниматься научной работой (обычно начинали со второго курса) и приходила ко мне домой каждый вторник в 9 часов вечера. Говорили обо всем, что ее интересовало, подготовили текст доклада, с которым она успешно выступила на студенческой научной конференции. Важно, что установился редкостный *душевный* контакт. Радость общения. Однако именно этот нюанс принес мне «горючие слёзы»... В конце августа, как только студентка приехала в общежитие, состоялась эмоциональная встреча, а также консультация по будущей курсовой

работе. И вдруг: проходит сентябрь – не появляется. А потом в коридоре у кафедральной двери наспех сообщает, что она решила заниматься другой темой, значит, под руководством другого преподавателя. На кафедру я вошла «на ватных ногах», хотя студентке сказала, что она совершенно свободный человек... Так я лично познакомилась с действием (функционированием) золотого правила нравственности. Долго не понимала ситуации, потом простила, а вот забыть...

Нельзя не заметить: беспощадно мстит нам нарушение золотого правила нравственности «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе».

Напутствие-благословение

Последний год войны. У всех работа, работа, работа... Визиты редки. И вдруг – из соседней деревни Ростани наведальась моя тетя: «Как тут Марья-то Павловна поживает?» Мама и говорит: «Да растет. Только не знаю, может, всю жизнь будет «Маней», а может – и правда «Марией Павловной»...

...Умирая (в 27 лет), мама попросила бабушку (во время войны перенесшую «паларич»): «Учите Маню...».

...Теперь-то я убежденно могу сказать: «Великую силу имеет материнское благословение».

ОТКЛИКИ

Мария Павловна, благодарю вас за Искорки, прочла на одном дыхании... Невероятно яркое чтение, всё так и дышит мощным детским впечатлением о важном в жизни.

Хочу распечатать в виде книжечки и прочитать детям. Обязательно вам расскажу об их впечатлении.

Соседка Юлия Шитикова,
мать троих младших детей – Иванки (6 лет),
Милославы (5 лет) и Мирона (3 года).

* * *

Начинаю читать Ваши искорки – и не могу оторваться. Вспоминаю и свою бабушку, и родную деревню, и Ваши уроки жизни, и многое другое... Искорки – Ваш особенный жанр. Индивидуальный. Спасибо огромное.

*Наташа (Н.В. Соловьева, доцент кафедры
русского языка и стилистики ПГНИУ)*

* * *

Татьяна Васильевна – наша родственница, родом из д. Н.-Чёкур, хорошо помнит нашу бабушку. Когда читала «Искорки памяти», как бы в продолжение моих воспоминаний (см. фрагмент «Словосочетание» на с. 41) у нее сложились такие строки.

Светлой памяти Парасковьи Филипповны

«Сколько хорошо!» – мне бабушка сказала.
И вижу я ту осень золотую,
Где синь небес, березки золотятся,
В полях уж убраны хлеба.

Сколько хорошо: тепло, как летом.
Солнцем, ярким светом

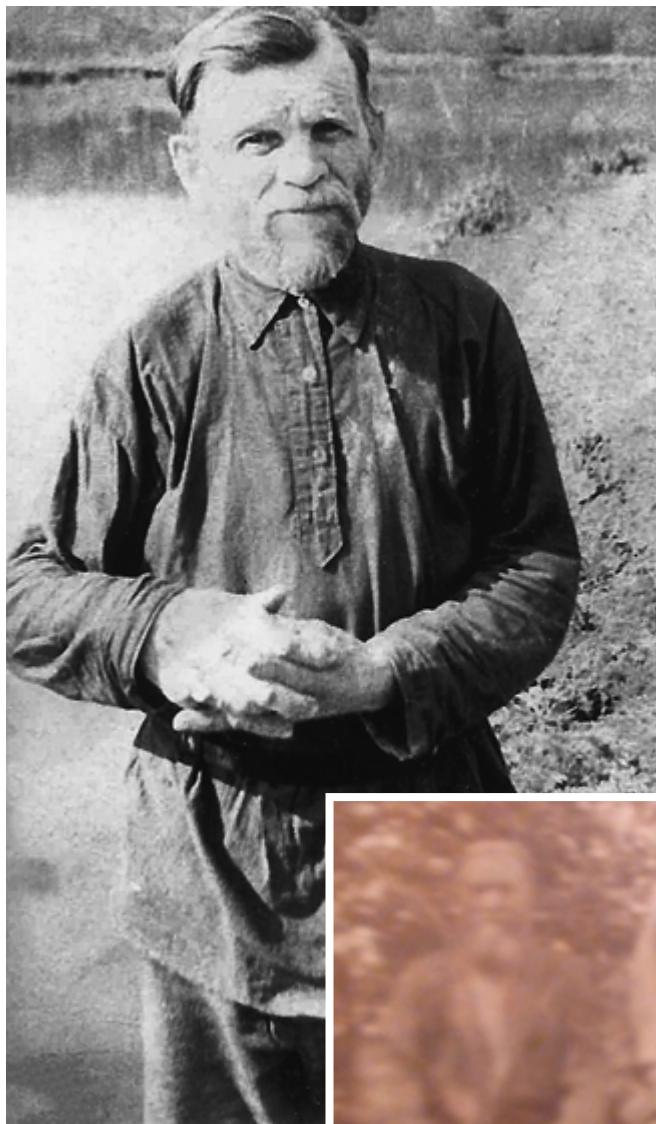
Вновь залита старинная изба.
«Сколь хорошо...». Ведь как просты слова,

Но сколько в них любви, восторга,
Восхищенья и тепла. И как проникновенно!
Хотя все то, что очень сокровенно,
Не может выразить душа.

* * *

Невозможно было равнодушно слушать воспомина-
ния, записанные по моей просьбе в искорках «Первый
вальс – в лаптях», «Новое правило поведения» о сельских
детях послевоенного времени. Слезы жгли глаза. А лириче-
ская миниатюра «Благодарный журка» не может не растро-
гать ни бабушку, ни внучку. Читайте...

Л.К. Чагина

Наш дедка
Василий
Илларионович
Шестаков
(к искорке
«Логика» и душа
дедушки)

Дальняя родня — земляки
Черёмухины: Иван Назарович
и Ирина Платоновна
(к искорке «Стёпку жду...»)

Отец – Павел Афанасьевич Сесюнин

С мамой Ольгой Васильевной, 1940 г.

Александра Андреевна (Саня Оборина)

После защиты кандидатской диссертации

На крылечке в Постаногох

В размышлениях...

Минутка отдыха

*Утомились (слева направо): Надежда Петровна Соловьева (Надя),
Александра Степановна Анфиногенова (Шурочка), я
и Евгения Павловна Бакланова (Женя) (к искорке «Первый вальс в лаптях»)*

С докладом на конференции в Пермском политехническом университете

*На конференции в г. Ополе (Польша): проф. М.П. Котюрова,
проф. Станислав Гайда, проф. Стефана Димитрова (Болгария),
проф. Милосав Чаркич*

*В перерыве между заседаниями
(Екатеринбург, 2003)*

*На конференции в г. Печ (Венгрия):
проф. М.П. Котюрова, проф. Юлий Абрамович Бельчиков,
проф. Клара Эрновна Штайн*

*На конференции в Белграде:
проф. Станислав Гайда (Польша), проф. Замир Курбанович Тарланов (Россия),
проф. Бранко Тошович (Австрия), стоит Андрей Стоянович (Белград)*

*По пути в варшавский
подвальчик*

Чудо какое! (М.П. Котюрова, Н.В. Данилевская, Е.А. Баженова)

В софийском аэропорту с болгарским лингвистом Константином Поповым

В гостях у Чагиных: (слева направо) проф. Георгий Николаевич Чагин, проф. Ольга Всеволодовна Смирнова и ее ученик, исследователь леса Алексей Александрович Алейников (Москва), Людмила Кирилловна Чагина, о. Евграф, проф. М.П. Котюрова, Ирина Журавлева, продюсер замечательного документального фильма о медведях

*Проф. Елена Александровна Баженова,
мой «ангел-хранитель»
(к искорке «Благодарю...»)*

ИСКОРКИ ПАМЯТИ

Котюрова М.П.

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 4,7. Тираж 100 экз. Заказ № 54/2021.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства Пермского национального
исследовательского политехнического университета
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел.: (342) 219-80-33

